

A person in a dark coat stands on a vast, flat, light-colored landscape, possibly a frozen body of water or a salt flat, under a dark, overcast sky. The person is positioned in the lower center of the frame, looking out towards the horizon. The overall mood is somber and contemplative.

ДМИТРИЙ ПОМОЗ

ТРИ ДНЯ

НИКТО НЕ ЗНАЕТ, КАК ЖИТЬ

Дмитрий Помоз
Три дня. Никто
не знает, как жить

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23793065

ISBN 9785448504426

Аннотация

Это книга о людях. О том, как в одинаковых жизненных ситуациях и испытаниях люди уверенно поступают по-разному. И никто не сомневается, что в итоге был прав именно он, даже не смотря на то, к какому итогу их привела дорожка выбора. Ведь никто не знает, как жить.

Содержание

Предисловие	5
Я спешу	23
День первый	32
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Три дня

Никто не знает, как жить

Дмитрий Помоз

Эта книга никогда не была бы написана, не будь в моей истории двух людей: Д. и К.

Если бы не Д. – в моей голове не вымучилось бы ни одной мысли,

а если бы не К. – то не нашлось бы сил жизни на их написание,

и ни на что вообще не нашлось. А посвящаю я её своим родителям,

ведь только они никогда не притворялись передо мной. Никогда и ни в чем.

Хоть порой этого так не хватало.

© Дмитрий Помоз, 2017

ISBN 978-5-4485-0442-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Я вам сейчас скажу одну вещь, но вы её поймете не сейчас, а через 20 лет.

Розанов где-то писал: Жизнь – это урок. Человек учится всю жизнь

и в конце урок усваивает. Но он сидит одиноким старичком в пустом

гимназическом классе, учитель собрал вещи и ушёл.

Урок закончен,

школа опустела. А сам ученик, вместо пятёрки в дневнике, валится в могилу.

(ц) Дмитрий Евгеньевич Галковский

В будние дни по ночам мой Город разрешает услышать и увидеть себя.

Я сижу на холодных коленях его серой набережной, и он рассказывает мне свои истории. Вообще он открыт всем, кто умеет прислушиваться. Ночи в августе холодные, но мне тепло, как в объятьях родителей. Тепло спокойствия и заботы гораздо крепче морозов любой ночи.

В нескольких сантиметрах у меня под ногами мелкими волнами пытается выброситься на берег река, она тоже хочет рассказать, что узнала о сегодняшнем дне, неспешно проплывая из Озера в Залив. А заодно немного залечить и успокоить рассечения, что за весь день оставили на ней сотни или

даже тысячи суетливых суденышек. Будьте уверены: у воды есть память, в том числе и телесная. Вся жизнь на Земле из нее вышла, и это она тоже помнит.

По левую руку от меня буквально в паре сотнях метров, сомкнул через всю ширину реки могучие – с арматурными бицепсами руки мост. Днем по нему туда-обратно переходят и переезжают гости и жители города. Они торопятся и сигналият, улыбаются и ругаются, оглушая Город надрывным ревом задыхающихся двигателей автомобилей и своих собственных эмоций. Они срываются друг на друга, проклинают этот мост, реку и весь Город. Им мешает все, что не помогает (деля все на черное, либо белое). Особенно когда они спешат к тому, кого возможно и не видели ни разу, туда, куда спустя пол часа, не захотят вернуться даже под страхом смерти.

Ближе к полуночи мост может немного перевести дух. На улице почти нет автомобилей и людей. В эти минуты мне кажется, что каждый раз он немного со страхом или напряжением готовится через несколько часов до утра разжать свои варикозные от постоянного напряжения руки. Будто без него за это время берега Города разойдутся, и уже ничто не сможет их свести. Хотя, в глубине души он прекрасно понимает, что этого не случится. Ведь то, что создано быть вместе и рядом – итак всегда будет рядом. А то, что нет – ни одним мостом не удержишь и не сведешь. Но это его единственная слабость. Он, как и каждый из нас, хочет верить,

что создан для чего-то большего, чем то, чем он занимается изо дня в день. Но понимая, что это не так, он ждет новый день и верит, что завтра хотя бы просто снова поможет перебраться с одного берега на другой кому-то, кто везет не цели или планы, но надежду и мечту. Настоящую мечту.

Прямо напротив меня, на дальнем берегу реки из-за деревьев возвышаются купола Собора. Величием своего строения, в освещении яркой иллюминации он тянется прямо к небу, словно пытаясь затмить его. Но в акварельном отражении воды он мелко разливаётся почти прямо к моим ногам лишь едва различимым в своих формах ярко-белым пятном, дрожащим в плеске хохочущих волн. Создавая издевательски-точную карикатуру образа тела и души.

Настоящей вере не нужна такая роскошь – она оглушает. А Богу (или во что Ты веришь) не нужен такой дом. Ему вообще не нужен дом, его дом везде, в каждом человеке, в каждом вдохе. Его нельзя позвать в воскресенье в церковь, как друга в бар, и ждать, что он расскажет тебе все, что ты хочешь или должен знать, и все простит. Есть вещи, которые нельзя запира́ть в четырех стенах и вспоминать о них лишь в минуты падений – они так погибают. Поэтому моя вера – это мост.

И сейчас, несмотря на то, что мне уже двадцать семь лет, лишь только недавно мне начали открываться самые важные вещи.

Теперь я – совсем маленький мальчик. Сижу ночью один

на холодных коленях всеми забытой набережной, но мне совсем не страшно. Недавно я научился слушать хоть кого-то, кроме себя самого. И мне повезло, несказанно повезло. Ведь теперь со мной разговаривает целый Город. И он, как самый заботливый родитель, учит меня пониманию. Пониманию мира и людей вокруг, а главное – пониманию себя.

Мир давно перевернут наизнанку. Мы понимаем и принимаем то, что не должны и не принимаем то, на чем вместо трех китов должен мир стоять.

Мы прогуляли главные уроки жизни. Как в средней школе, с криком: «Я не буду это учить, мне это не пригодиться! Я не хочу быть человеком, хочу быть менеджером или телезвездой». Но на второй год нас тоже никто не оставил – просто некому было. Мой дядя всегда говорил: «Хороший человек – это не профессия». И в школе нас учили академическим знаниям, во дворе «реальной жизни», телевизор учил нас быть современным и модным, показывал, как надо жить на примере долбанных кумиров и новых свобод в то время как родители круглые сутки были на работе. Ради тебя. Ведь для ребенка и семьи главное – деньги. И вообще деньги – почти самое главное в жизни. Не правда ли они убедили тебя в этом? Только не лукавь.

Давным-давно, будучи школьниками – первоклашками, нас учили правописанию. Помнишь, как мы, изогнувшись подобно дождевому червю на крючке, с высунутым, как у голодного щенка языком часами тренировались выводить

письменные буквы в красиво разлинованных косой линейкой тетрадах с красными полями? Мы тратили на это часы и даже дни, и вроде бы, сейчас вывести такие простые закорючки не составит ни для кого труда, но тогда это было для нас подобно написанию целой картины. В какой-то момент обучения я заболел, не помню, как долго просидел дома, но по выздоровлению, придя в школу, оказалось, что пока меня не было, все мои одноклассники выучились писать букву «К». «Е – ерунда!» – подумал я. С другими буквами как-то справлялся, справлюсь и с этой. В тот день на дом нам задали исписать этой злосчастной «КЭ» чуть ли не целую страницу тетради. Сначала несколько строчек одинокой заглавной, потом маленькой, затем заглавной в различном сочетании с другими буквами алфавита. Я взял тетрадку товарища и пошел на вторую лестницу, спрятался в ее темном укрытии и начал переписывать домашнее задание. У меня ничего не получалось, рука дрожала, я не успевал запоминать повороты ручки, будто учил маршрут гоночной трассы перед самой гонкой. Но все-таки, спустя две перемены, с горем пополам коряво переписал задание. А потом был урок. И нам начали диктовать эту ненавистную «К» сначала просто отдельно, потом в сочетании других букв, потом в целых словосочетаниях и коротких предложениях. Я сидел весь красный, сходу забыв, как выводится узор этой буквицы, чирикал что-то похожее, заглядывая в тетрадь соседки по парте. Мучился, пыхтел, кряхтел. Выл про себя: «Да почему нам не дик-

туют другие буквицы, вот „ЭЛ“, например, мне с самого начала больше всех понравилась! Домой хочу!». А тем временем нужно было уже писать букву «К», спрятанную и связанную другими буквами в целых словах. А как их связывать? – понятия не имею. К концу урока «КЭ» стала для меня самым душераздирающим и ненавистным впечатлением школы, я сидел над своим трудом и чуть не со слезами на глазах подводил итоги. Страшно боялся получить плохую оценку (помнишь, первое время в школе нам ставили не оценки от 1 до 5, а мелкие печати каких-то животных? – Я сегодня «мишку» по математике получил!). Ведь до урока я рассчитывал на твердого зайчика. «На зайчика-то я уж точно напишу!». Зайчик означал киндер-сюрприз от мамы; родители покупали у ребенка его желание быть нормальным учеником. А тут я сижу и понимаю, что мой максимум – это «удав» и винегрет на ужин. Но это еще лучшее, что могло со мной произойти! Мне не давал покоя другой страх: когда мы только пришли первый раз в первый класс, сели за парты, познакомились с учителем, одной из ее первых фраз была фраза о том, что мы будем все время писать в различных тетрадах, расчерченных по краям яркой красной полосой, которая называется «поля». И вот эти самые «поля» для нас, как линия границы с другим государством (А за границей я тогда ни разу и не был) и если ее пересечь, то обязательно попадешь в тюрьму. И я тогда в это поверил, причем сильно, со всей впечатлительностью детского воображе-

ния. И вот теперь сижу на этом проклятом чистописании, смотрю в тетрадь, а оттуда на меня вместо аккуратно выведенной одиннадцатой буквы русского алфавита зыркают кривые удивленные бабочки шнурков, предательски вылезаящие за жирную красную линию, которая легко может превратить хорошего человека в плохого. И теперь мне после уроков придется ехать в тюрьму с «удавом» в кармане.

В тюрьму в тот день я, ясное дело, не попал, но вот неприязнь к «КЭ» во мне тогда окрепла серьезно. И я решил скорее ее забыть, с мыслями похожими на те, из разряда: «Все равно мы ее уже прошли, и больше она мне не мешает и не понадобится никогда». Но через пару дней оказалось, что я жестоко ошибался. В итоге мне пришлось сесть дома за самостоятельное правописание, сначала соединяя нужные точки линией синих чернил, выводил своего врага на тетрадном листе, а потом уже безо всяких подсказок совершенствовал свое мастерство, пока не закрепил его на достойном уровне.

Казалось бы, какая-то маленькая назойливая закарюка в одном ряду еще с тридцати двумя подобными. А приглядишься, и начинаешь понимать ясно, как она важна. Не выучив ее и не приняв ее нужность, не сможешь написать слово, а без слова – нет правильного предложения. А у тебя таких предложений целая страница, а за ней еще и еще, в сумме может даже том или несколько. Только вот исписаны они черновиком, а значит впустую. Попробуй его теперь перечи-

тать – ничего не поймешь, и никто не поймет.

Мир состоит из мелочей, на них и держится. Причем эти мелочи самые простые и одновременно самые важные. Их, вроде, даже ребенок должен понимать. А мы – взрослые, их не проходили, мы их прогуляли, проспали и проболели. И мир перевернулся, стал черновиком. И сейчас я его читаю и не понимаю. А он меня.

Каждый день я сталкиваюсь со взрослыми людьми. Таки-ми, как твой сосед по парковке или коллега с работы. Занятые, знающие себе цену, идущие по верному пути, прирожденные охотники-всезнайки, вытесанные под свои цели и идеи, вооруженные всеми средствами, заточенными под движение вперед и развитие. А я смотрю на них и улыбаюсь, почти смеюсь. Разумеется по-доброму, я же ребенок. Просто они напоминают мне стаи дрессированных собак в специальных кульках на шее, которые одеваются, чтобы животное в определенных случаях не могло себя кусать. Из-за этого самого кулька угол их обзора крайне невелик. Еще они знают и умеют выполнять некий набор команд, среди которых есть и немало сложных, стоивших им огромных усилий и времени для запоминания. И этот заученный набор как бы делает их собачьей интеллигенцией. И вот они бегут каждый день по полосе препятствий в своем кульке, не замечая ничего вокруг, видят только что впереди, понимают, где надо забраться на мостик, где перепрыгнуть барьер или выполнить другой трюк, чтобы в конце пути добраться до заветной ко-

сти или кусочка сахара. И это почти все, что нужно чтобы считаться элитным, завидным питомцем.

Они считаются взрослыми, потому что они сами так решили. Взрослые, потому что у них есть образование, у кого-то даже высшее, может и с красным дипломом, есть машина, кредит, есть квартира и ипотека, есть работа, карьерный рост, небольшой, но все-таки есть, есть жена или нет ее уже, тогда есть опыт женитьбы, у них есть ребенок, а может и не один, и они даже о нем знают, возможно, кто-то из них даже героиня-мать или герой-отец одиночки. Взрослые, потому что у них есть цели. Это новый телефон (каждый последующий новый телефон), новая машина, квартира, новый кредит для всего этого и новые жена/муж. Взрослые, потому что у них есть планы. Они записаны в разбухших от закладок ежедневниках, звенят сотнями напоминалок в телефоне, распечатаны числами рабочего табеля в графе – отпуск. Их придумывает босс. Они горят на табло в метро секундами ожидания поезда. Их пересылают в смс и выкладывают репостами чужих картинок в соцсетях. Люди выполняют план пять через два дня или другим графиком, оставляя несколько дней в неделю на выполнение вполне животных потребностей. Почти все цели и планы можно перевести в числа и цифры. Зачем стремиться к тому, что нельзя потрогать руками? Есть, конечно, и немного другие взрослые люди – они называют себя творческими или людьми искусства, но все-таки они тоже любят планы, ведут активную оценочную по-

литику, а их цели несут первично-материальные надежды.

И вот эти взрослые дяденьки и тетеньки собираются в компании, коллективы, команды, общества, товарищества, группы, студии и кружки. Они вместе и по отдельности переживают свою взрослую жизнь полную как успехов, так и невзгод, побед и разочарований, предательств, войны, счастья и радости. И пусть даже их жизненная модель не очень похожа на описанный выше пример, главное остается неизменным: они ощущают себя взрослыми только потому, что уверены, они понимают все то, что должен понимать взрослый человек. И они это принимают, как взрослые. И живут по-взрослому. А тех, кто выпадает из всей этой модели – они не понимают и не принимают. Придумали им разные названия, например «ребенок» или «идиот».

«Ты чего как ребенок себя ведешь?»

«Ты что идиот? Совсем ничего не понимаешь?»

– Ах-ха-ха-х! Прости! Ты, верно, не понял?! Сейчас тебе объясню!

Я знаю компании и людей, которые не жалеют ни усилий, ни времени, чтобы следить за собой. Они прилежно ухожены, вкусно пахнут, модно или стильно одеваются, стараются жить в ритме, в тренде, держат марку, они манерны и надменны. Показательно аккуратны и вежливы в общении, выдержанны, вроде даже воспитаны и образованны. Присутствие в компании таких людей начинает страшно давить. По-

тому что есть одно немаловажное «но»: чаще всего такой тип людей слишком озабочен внешними проявлениями своей личности, в то время как все внутреннее уходит на вторые планы. Поэтому в такой компании нельзя сказать, например, слово «дерьмо» – это невежливо, недостойно, некультурно и неуважительно. Ты сразу падаешь на шесть ступеней вниз. Но в тоже время внутри себя ты можешь быть наполнен этим самым дерьмом до отказа – это не воспрещается. Не важно, какая ты личность. Важно, как ты себя подаешь. Поэтому мой «лайфхак» – проверка крепким словцом, чтобы меня сразу отсеяли те, кому важно только, что снаружи, антураж. Люди любят только то, что им сразу понятно. То, что может заставить задуматься – отталкивает. Ведь это отвлекает. И так во всем: в людях, в отношениях, в интересах, в музыке, в книгах. Можно перечислять бесконечно. И я сейчас не про сюжет, а про смысл, про множество тайных смыслов по-настоящему глубоких содержаний.

Люди одевают костюмы поверх пустоты. Но мышцы не могут держаться без скелета. А дальше, не осознавая, какими слабыми и бесполезными они себя сделали, они еще пытаются заглянуть за горизонт и в других людей. И неизбежно путаются во всем.

Эй! Взрослый человек! Ты знаешь значения слов: маркетинг, супервайзер, промоушен, ребрендинг, стартап, фриланс, просадка, откат, корпоративный дух, бизнес план и еще чертово множество слов и словосочетаний, придуманных

для описания искусственных феноменов жизни человека. Ты гордишься, что знаешь их, гордишься, что они нужны тебе в повседневной жизни, они заставляют тебя чувствовать себя взрослым и независимым. Ты искренне удивляешься и не понимаешь, как можно не знать такие важные и нужные понятия. Но я тебя тоже не понимаю. Не понимаю когда и зачем все эти слова встали во главу твоей жизни. Каждый день ты распыляешься над этими суррогатами, изучаешь их феномены, ищешь новые. Но уже давно забыл о значении простых и естественных словах: слово, честь, отношения, обещание, семья. Для тебя в них нет секрета, ты ведь с детства их знаешь. А значит, нет ни рассуждения, ни понимания, ни осознания их важности.

Ты знаешь, как ловко сплести корпоративную интригу, чтобы опередив всех и почти без конфликта, залезть в новое кресло, но не знаешь, как вечером вести себя, чтобы твоя девушка снова перестала тебя пилить и плакать. И кастомизация тут тебе не помощник. У тебя нет ни времени, ни желания выяснить, что происходит. И ваши берега расходятся.

Ты знаешь наизусть весь необходимый пакет документов и список соглашений, которые нужно принести и подписать для получения нового кредита, но не помнишь наизусть ни одного стихотворения, чтобы рассказать его на ночь своему ребенку. И ни за что не вспомнишь, почему небо синее. И твой малыш в немой тишине будет ждать ответа, пока ты «прогугливаешь» его со скоростью 218-G в своем новехонь-

ком кредитованном гаджете.

Слово «ответственность» в твоём словаре – это вовремя сдать отчет, а не вовремя забрать ребенка из детского садика. Ребенок все может понять, а начальство нет.

Ты молча глотаешь любые замечания своего сумасшедшего начальника. Даже стараешься улыбаться. Куда пошлет – туда и пойдешь, и будешь делать все, что скажут. И ты не понимаешь, как можно иначе. Все так и должно быть, все в порядке вещей. И его сумасшествие и твое постыдное «терпильство». Если надо, ты будешь работать двадцать пять часов в сутки восемь дней в неделю. Для кого-то. Но для тебя это – для себя. Все это – твоя сила, все это приближает тебя к какой-то цели. Ты что-то зарабатываешь и куда-то идешь чего-то достигать. И каким-нибудь свежим вечером, уйдя с работы даже чуть пораньше положенного, ты услышишь звонок от меня. Будешь долго улыбаться, слушая в трубке мои слова, а потом недоуменно засмеешься и пошлешь меня подальше, назвав идиотом, когда я предложу тебе вечером велопрогулку по вдохновляющей набережной. Тебе не до всякой фигни, и завтра рано вставать. Нужно прийти пораньше, тебя ждет столько взрослых бумажек. Ты хочешь порадовать Петра Петровича. Или может, я попрошу тебя о помощи. Мне нужно срочно перевести маме кота или кухонный комбайн. Но ты устал, у тебя нет времени и желания, ты легко мне отказываешь. И я должен тебя понять. Ведь из-за меня ты потеряешь силы и время, а выгоды никакой.

Скинь мне смской телефон «Газеличкова».

Ты помнишь дни рождения всех людей, с которыми тебе нужно и выгодно общаться, готовишься к ним, придумывая приятные сувениры и поздравительные тексты, забыв поздравить того, кто с детства рядом с тобой шагает. Он все поймет.

С утра ты орешь на жену за то, что она пересластила чай или пересолила сосиски, а позже пол фиолетовой ветки будешь ехать и терпеть, скрепя зубами, какого-то мужика, который каждые пол минуты чихает тебе прямо в ухо, даже не прикрывая рта. И так всю жизнь будь тебе восемнадцать или восемьдесят, ты живешь наоборот. Сдерживая себя везде, где только можно и не сдерживая там, где нельзя. Ты называешь это воспитанием, тактом или правилами, не знаю. Ты боишься показаться черт знает кем, черт знает кому. И внутри себя бесишься от этого. А потом приносишь свою гнойную слабость и выливаешь ее на тех, кто тебя любит. И называешь это «пойми меня» и правом близости. Меня тошнит от тебя.

Только близкие тебя и любят, но для тебя понятие этого слова тоже недоступно, для тебя это не твоя ответственность, а их обязанность. Обязанность твоих людей терпеть тебя, раз они тебя любят.

Мы не знаем значения вообще ни одного понятия, на которых должно держаться все бытие, уже слишком взрослые для них. Потому что их нужно было приходить в детстве,

а мы сразу взрослыми родились.

Мы научились ревновать, но не научились любить. Научились брать, но не отдавать.

Все наши мечты мы строим через прицелы планов. И это всегда означает что-то взять или на что-то заработать, но никак не что-то отдать или оставить.

Мы настолько сильны, что не видим своей слабости. Каждый день мы совершаем слабые поступки ради каких-то призрачных высот и думаем, насколько сильны, раз готовы переступить через себя или других ради своей выгоды. И мало того, мы ненавидим тех, перед кем оказываемся виноваты, кого в этот момент перешагиваем, предаем, подводим и подставляем.

Мы пытаемся стать успешным человеком, не успев стать просто человеком. Слово «успешный» и другие его сородичи стали жить отдельно, как мышцы без скелета.

И мы бегаем со всем эти мусором взрослой жизни, взрослых понятий, принятий, целей и хлопот изо дня в день, пока не разведут мосты. Не замечаем ничего вокруг. И лишь изредка, в мыльной пене перелетая по мосту с одного берега на другой, краешком глаза заметив в воде переливающиеся отсветы заходящих солнечных лучей, будто бы на миг вспоминаем, что вроде были созданы для чего-то большего, чем занимаемся сейчас. Но, через несколько секунд слетая с набережной на деловой проспект, тут же отряхиваемся от этих детских мыслей. И снова хватаем свой огромный мусорный

пакет взрослой жизни и, как навозные жуки, катим навозные шары своих целей туда, откуда через пол часа захотим сбежать. И с каждым шагом эти шарики будут становиться больше и больше, на них будет налипать все подряд. Но нам будет казаться, что тем тяжелей эта ноша, тем она ценнее и тем мы сильнее и взрослее становимся пока ее катим. Да и пахнет он так не потому, что это навоз, а потому что – это плодородная почва.

Но в один прекрасный момент может оказаться так, что ты будешь в очередной раз катить свой навозный шар по мосту на другой берег, снова совершенно забыв обо всем, в том числе и о времени. И вдруг мост под твоими ногами начнет разводиться, ты стараешься успеть преодолеть его, но с каждым шагом тебе будет все труднее и труднее толкать свой шар вперед. Руки моста разжимаются, поднимаясь вверх, раскрывая перед тобой лишь многометровую пропасть, а ты как Сизиф¹ уперся спиной в свой шар, не в силах больше двинуться ни в одну из сторон. И вот движение моста приходит в пик своей высоты, тебе больше не устоять под тяжестью своего груза и ты летишь вниз, больно ударяясь об асфальт, ломаешь себе половину костей. Тут же, через мгновение на тебя налетает твой плодородный шар, накрыв всей своей массой твою тушу, разрывается, облив и об-

¹ в древнегреческой мифологии строитель и царь Коринфа, после смерти приговорённый богами вкатывать на гору, расположенную в Тартаре, тяжёлый камень, который, едва достигнув вершины, раз за разом скатывался вниз.

сыпав тебя с ног до головы твоими же планами и целями. И именно в этот момент ты, может, почувешь их вкус и запах. И не останется никаких сомнений – ты тратил свою взрослую жизнь на какое-то говно. А в итоге загадился весь, как грудной ребенок. Но некому уже подтереть твою задницу. Кому это не выгодно? На это нужно тратить время и силы.

И я чертовски боюсь всего этого, поэтому сижу тут – на краешке набережной и учусь. И только одна вещь меня пугает: в конце своего урока я протягиваю руку, словно мост, к противоположного берегу реки и жду утра. Ведь утром все мосты моего Города сводятся. А мне страшно, что мой мост опять не сведется. Никто не протянет руку с той стороны, чтобы возвести мост Понимания между берегами жизни, по которому ко всем живым смогут добраться не цели и планы, но надежды и мечты. Настоящие мечты.

У меня пока что совсем ничего не получается, ведь я маленький мальчик, а взрослые совсем не хотят слышать детей.

Ведь Вы сейчас итак «все понимаете». А я не хочу так, хочу ничего не понимать и не принимать, хочу бороться со всем и вся.

Я обязательно сдамся, когда вырасту, а сейчас дайте мне еще немного побороться.

И пока я сам еще ничего не знаю, то буду сидеть с тетрадкой и записывать то, что мне рассказывает ветер в колодцах дворов, шепчет течение реки и мост, о чем гудят паутины проводов и рисует мерцанием бесконечности звезд чи-

стое небо цвета индиго феноменами глухих вечеров, после того как Вы освобождаете улицы Города от суеты, которую называете – «жизнь». Бесследно исчезая под крышами громадин своих домов, отчаянно тянущихся к небу в попытке затмить его.

PS. В моих записях очень много «Я», не пойми меня превратно. Ведь единственное настоящее «Я» здесь – это мое желание, чтобы вместо этого личного местоимения Ты ставил свое имя.

Я спешу

Как же здесь темно. Бабушка живет в деревне. Только не говорите никому, что я так сказал. Здешние называют ее маленьким городом или поселком городского типа. Тут и правда есть каменные пяти- и трехэтажные дома, а еще красивые деревянные. Я их иногда очень боюсь. В темноте, такой как сейчас, некоторые из них превращаются в «лающие дома». И никогда не угадаешь какой. Бабушка говорит, чтобы я их не боялся, и что это не дом лает, а сторожевые собачки за забором чувствуют незнакомца и лают, предупреждая тебя, что на этот участок лучше не приходить, тем более вечером и без угощения. В собачьем мире так не принято. А вот днем они чаще всего будут рады знакомству! Я всегда верю бабушке, но все равно боюсь, иногда даже плачу, если сразу несколько домов со всех сторон вокруг начинают на меня лаять. Я ведь тоже их не знаю, но не лаю на них. Хотя нет, один раз лаял. Не помню уже, как давно это было, но помню как.

Теплым вечером мы гуляли по нашей улочке с мамой и бабушкой. Они о чем-то разговаривали, а я играл в мячик. Вообще помните: на дороге нельзя играть в мячик! И в бадминтон тоже! И рисовать тоже нельзя, даже если Вы уверены,

что водителям нравятся ваши рисуночки. Но у нас можно – у нас небольшая дорога! Только опять не говорите никому, что я так сказал, потому что местные называют ее настоящей улицей. И даже название ей придумали большое – Смоленская улица. Смоленск – это город-герой! А наша улица совсем не герой. Если считать героизмом то, что на ней нет ни кусочка асфальта, а вместо него лужи и гранитные камешки в песке, огромные дырищи, как от бомбежек, то тогда да – наша улица герой, настоящий израненный герой! И вот из-за того, что наша улица совсем никакая не улица, а только притворяется ей, по ней почти не ездят машины.

Мама рассказывала что-то взрослое бабушке, почти шептала на ушко. Весь день она была грустной и на прогулке чуть не плакала. Я всегда вижу, когда мама готова вот-вот заплакать и мне это не нравится. Человек почти полностью состоит из воды, и я не хочу, чтобы мама себя выплакала! За бабушку я не боюсь – она мне один раз сказала, по секрету, конечно, что со временем взрослые люди, тем более в ее возрасте, сохнут и им уже не так опасно плакать. Бабушка сказала, что, если человек много плачет, то в нем больше всех воды. А ей не до слёз, ей нужно учить улыбаться водянистых людей и еще по дому много хлопот.

И вот они шепчутся о чем-то, мама едва не плачет, а бабушка ей в ответ улыбается доброй улыбкой «сухого» человека и просит придержать себя под руку, говорит, что упадет, если мама не будет сейчас за ней внимательнее следить. Это

такой хитрый бабушкин прием, чтобы отвлечь маму от грустных мыслей. Я это понял и тоже решил помочь, взял свой мячик, подкинул и ударил по нему ногой, что было силы! Но немного промахнулся, и мячик полетел не вверх, а вверх и в сторону, прямо за большой, высокий забор соседнего участка. Участок тут же на нас залаял!

Сначала я сильно испугался, но потом вспомнил, для чего затеял всю эту идею. Еще вспомнил, как папа говорил, что своих родных нужно защищать. Тогда я подбежал к воротам лающего участка. Они были большие, железные, без единой щели, но между их нижней частью и землей было расстояние размером почти с мою голову.

Я лег на живот, подбородком к земле, увидел на участке огромную страшную сторожевую собачицу на цепи, увидел и свой мячик. Набрал по больше воздуха, и стал лаять изо всех сил в ответ!

Собачица лаяла намного громче меня, звуки ее лая очень напомнили мне, как тяжело и хрипло кашляет папа, будто что-то хочет достать у себя из горла, словно фокусник кролика из шляпы! Бабушка говорит – это все потому, что он курит, а курить вредно! Почти также вредно, как и плакать.

Собачица, услышав мой лай из-под калитки, на несколько секунд угомонилась, видимо, от удивления! Она посмотрела вниз и заинтересованно засемила ко мне, звеня по земле цепью, на которую была посажена, и ей же случайно загребая мячик.

Я обрадовался, подумав, что бабушка была права, но совсем не знает, что днем с собачками можно познакомиться, даже если у тебя нет с собой никакого лакомства..

– Сейчас заберу свой мячик и все им расскажу! – подумал я.

Но тут цепь натянулась, и собачища остановилась, а мячик еще немного прокатившись, замер прямо между нами. Я хотел попросить ее подтолкнуть мячик еще немного, но она начала лаять даже еще сильнее, чем прежде! Я больше на нее не лаял и поэтому удивился: зачем она это делает, ведь я молчу, и мы уже познакомились.

– Лучше тогда попробую дотянуться самостоятельно!

Изо всех сил протянув руку в сторону своего мячика, я положил на него ладонь. Тут собачища, страшно оскалив зубы, вцепилась в меня и начала мотать головой. Мне стало очень больно, я закричал и заплакал. Мама тут же бросилась на помощь, схватив мою ногу, она стала тянуть меня из-под калитки. Мне было настолько больно, что мячик я не смог удержать, и он остался у собачищи в пасти.

Мама помогла мне подняться. Я был весь в земле и слезах. Всхлипывал, а по руке стекали тоненькие струйки крови. Мама затряслась и тоже заплакала, разглядывая и вытирая носовым платочком кровавые подтеки около моих ран. А бабушка ей помогала, она спокойно осмотрела все укусы, потом положила свои теплые руки на наши с мамой головы, приобняла, и стала нас гладить и успокаивать.

Бабушка смотрела в сторону лающего участка, как будто может видеть через забор насквозь, и сейчас смотрит на мячик и на собачицу. Потом она опустила глаза и еще раз посмотрела на меня и маму тем же самым взглядом, будто она не только сквозь забор может видеть все, но и сквозь нас тоже. Бабушка улыбнулась и не громко, но четко сказала: «Все будет хорошо, успокойся!». Я точно не понял, кому она это сказала, но уже совсем перестал плакать, а мама только чуть-чуть вздрагивала, прикрывая рот своими тонкими белыми пальцами.

Я спешу к бабушке, кажется, она заболела и сидит дома совсем одна. Сейчас январь, и вечером на улице совсем темно и холодно. А на Смоленской улице нет ни одного фонаря, только личный фонарь на одном из участков.

Бабушкин дом не похож на новенькие соседские, он, наверно, ее ровесник – в почтенном возрасте, поэтому давно позволил себе немного покоситься и облезть. Как кошка Мурка лишаем. А на тонком деревянном заборчике в некоторых местах растет мох.

Я уже вижу темные глаза нашего домика и начинаю улыбаться. Я доехал. Сам. Первый раз. На платформе на меня садится огромными хлопьями вечерний снег, таких больших снежинок этой зимой еще не было. Хоть я очень тороплюсь, но не смог удержаться, и ловлю его ртом. Обожаю ловить

и кушать снег! Обязательно попробуйте тоже, если не пробовали! Я каждый год так делаю, пока мама не видит! Больше всего мне нравится первый снег. Хотя и второй, и третий, и любой другой тоже, но первый особенно! Разве бывают люди, которые так не делают, разве есть кто-то, кто не пробовал этого ни разу или ему не понравилось? Ну, кроме моей мамы. Она всегда ругает меня за такое, и никогда не хочет сама так же побегать. Но зачем тогда жить, если не любишь ловить ртом морозные снежинки?

Это же настоящее чудо. Первые снежинки самые веселые и вкусные, как мандарины в Новый год! Кто не любит мандарины в Новый год? Они нравятся всем и все ждут почти целый год, чтобы снова начать их кушать. Они всегда вкусные и первого января и даже в феврале, но в Новый год они самые вкусные – празднично-вкусные. Так же и снежинки. Попробуйте! Я увлекся, начав бегать за снежком, наверно, килограмм съел, пока не закашлялся. И тут вспомнил: меня ждет не дождется бабушка.

Свет не горит и калитка заперта. Наверное, бабушка уже легла спать. Вообще, она запирает калитку только, когда куда-то уезжает или уходит в гости. Придется перелезть. Только бы не упасть, ведь от холода я почти перестал чувствовать пальцы на ножках.

В груди горит огонь. Я очень люблю бабушку, всегда рад ее видеть, и мне не терпится ее обнять. Конечно, так нельзя говорить, но это даже вовсе не плохо, что я тоже простыл,

ведь теперь мы сможем лечиться и поправляться вместе!

Дорожка к двери нисколечко не протоптана, а сама дверь заперта. На стук никто не отзывается и не отпирает. Только лишайная Мурка, услышав шум, подбежала и трется своими смешными боками о мои ноги, оставляя на штанах клочья шерсти.

– Привет Мурка! Зачем мне твоя шерсть, у тебя самой ее совсем нет! Неужели ты так же, как мне ее всем раздала? Глупая, добрая Мурка, теперь сама замерзнешь!

Мурка даже не мяукает в ответ.

– Ладно, со мной домой пойдешь! Попросим бабушку, и она тебя не выгонит! Ты, кстати, не знаешь, почему она не открывает?

Мурка снова лишь таинственно на меня глядит.

Я очень терпеливый и так скоро ни за что не сдамся. От моих настойчивых стуков дверь хрустит и звенит петлями, но по-прежнему не поддается. Если честно, я уже основательно промерз не только в ногах, а кашель стучится в груди не меньше, чем я стучусь в упрямую дверь. Очень сильно болит голова, а спину залил зябкий пот.

Может бабушка где-то на участке..

Вокруг дома никого, в туалете и сарае тоже. Только немного дров, гнилые доски, ржавый топор, какие-то тряпки, и всякие штуки для огорода. Пусто и в парниках.

Нужно снова вернуться к дому и проверить окна. Раньше я иногда вылезал через окно своей комнаты, чтобы полежать

где-нибудь в укромном месте, в гамаке или на крыше сарая, и понаблюдать за небом. Посчитать звезды или поразгадывать облака. Они очень любят превращаться во всякие интересные фигуры и играть со мной в угадайку. Я могу лежать и играть с ними до самого утра, пока не устану и не усну, или пока они сами не уплывут домой. А Вы знаете, где дом у облаков? Я нет. Но обязательно узнаю.

Ключ-гвоздик на месте, рама окна натужно кряхтит, подаваясь на мои усилия. Вся краска на подоконнике давно потрескалась от старости и сырости, и громко хрустит, пока я лезу наверх. Этот хруст напоминает мне хруст кукурузных хлопьев. От этого в животе урчит, будто я только что проглотил старенькую невкусную Мурку.

У нас маленький дом. Всего три небольшие комнаты, кухня, коридор и веранда, чтобы летом было куда огурцы с картошкой складывать. Мне темно и немного страшно. Дверь в бабушкину комнату плотно захлопнута и заперта. Ума не приложу, куда она могла пойти на ночь глядя.

– Бабушка Ксюша! Бабуля! Ба-а!

Тишина. Даже Мурка куда-то пропала и не мяучит мне о своем присутствии. А я думал, она поможет мне найти бабушку, ведь она кошка, и ночью видит лучше, чем я.

Дома сыро и холодно, как на улице. Я очень устал, хочу кушать и спать. И еще плакать. Но кашлять и плакать одновременно – неудобно. У меня кружится голова, дрожат ноги и вообще все тело, мне горячо и холодно одновременно.

Лучше вернуться к себе в комнату, лечь в кровать и дожидаться бабушку там. А то простыну еще больше, и снова заставлю её о себе хлопотать, вместо того чтобы наоборот самому позаботиться о ней.

Самый лучший доктор, кроме бабушки, конечно же – сон.
– Спокойной ночи, Мурочка, если ты меня слышишь!

Ой, извините! Совсем забыл представиться, а это невежливо! Меня зовут Митя, а мама с бабушкой зовут меня Митюша.

День первый

Мне очень плохо спалось. Было темно и холодно. Несколько раз я просыпался среди ночи и дрожал, один раз даже кричал. Мне показалось, что во сне я все-таки превратился в лужу, вся кровать подо мной была мокрой от пота, как мамин платок, когда она долго плачет.

Первый раз я встал среди ночи, чтобы найти все покрывала и одеяла в комнате. Искать в других комнатах не решился. Правда-правда, было очень темно и страшно. Потом я лег снова, снял мокрые ботиночки и накрылся с ног до головы всем, что нашел так чтобы «только нос торчал», но все равно никак не мог согреться и перестать кашлять. Если я лежал на спине, то сопли начинали вытекать из носа и горько попадать мне прямо в рот.

Потом долго не получалось заснуть, потому что я очень боюсь темноты, даже больше, чем лающих домов. В темноте может прятаться много лающих домов и незнакомых собащиц. И чем темнее темнота, тем их больше.

А Вы знаете, почему мы должны чувствовать себя виноватым перед кем-то за свои страхи? Почему нас ругают за них? А вот некоторые люди, например моя мама, они никогда ни перед кем не виноваты ни за свои страхи, ни за чужие?

Один раз в школе ее вызвали к директору из-за того, что я испугался волшебства. И потом, дома она долго ругала меня,

и еще дольше плакала. И обязательно звонила бабушке.

У нас был урок географии, мы начали проходить Африку. Наш учитель уже не молодой, но еще не старый дядечка, не знаю, как таких называют. Он добрый и мягкий, поэтому хулиганы нашего и других классов часто этим пользуются, и у всех много двоек. А еще у него серый вязаный свитер с узорами, как на ковре в бабушкиной комнате, серые брюки и нос картошкой. И сам он тоже очень хороший. У него есть указка, которая знает географию лучше, чем все наши двоичники и хулиганы вместе взятые. Он и сам так о ней говорит, когда никто в классе не может найти, где на карте спряталась река или выросли тропики, а его указка уже через пол секундошки кружит ярко-красным пятнышком вокруг нужного места.

Когда меня перевели в мою новую школу, и я первый раз попал на урок к Георгию Александровичу вместе со своим классом, и он при мне использовал свою умную указку, я сильно испугался и тут же спрятался под парту. Все ребята вдруг засмеялись, кто-то начал кидаться в меня бумажками и ластиком, кричать обидные слова. И тогда Георгий Александрович повернулся от доски в сторону класса, приспустил свои полностью прозрачные очки к переносице и глубоко-глубоко посмотрел на класс. Все почему-то замолчали и успокоились.

Я все еще сидел под партой и, закрыв руками уши, качался назад-вперед, монотонно мыча себе под нос, чтобы не пустить в себя ничего происходящего вокруг.

Тогда Георгий Александрович громко откашлялся, чтобы я мог слышать тишину (как забавно: слышать тишину!). Затем он едва слышно, но очень близко обратился ко мне:

– Так-с, Димка! Что ты забыл под партой? Пожарной тревоги не было! – он говорил мягко и вкусно, как тетенька-кондитер из нашего магазина, которая всегда угощает меня конфетами.

Я оторвал руки от ушей и тихонечко прошептал:

– Указка волшебная.. Я боюсь..

По классу начала пениться волна смеха, но глубокий взгляд Георгия Александровича рассек ее, едва она булькнула.

– Никакая она не волшебная! Знаешь, Димка, волшебства вообще нет. Есть сила ума, знания и наука. Поэтому у меня умная указка, а не волшебная! – его голос плыл мне в уши, как молоко с мёдом. Он рассказал, как устроена указка и продолжил:

– Ну, так вот – нет никакого волшебства. Можешь ничего не бояться!

Заканчивая эту фразу, краешком глаза он увидел, что остальные ребята в классе начали расстроено или даже разочарованно смотреть на него, как на человека, который только что сказал, что Дедушка Мороз не придет к ним

на Новый Год. Тогда Георгий Александрович слегка улыбнулся своими сухими губами и добавил:

– Да, ребята, вы меня не ослышались. Волшебства действительно нет. Его придумали люди, чтобы объяснить то, что не может уложиться в их голове! Это как если бы вы пытались после урока не усвоить новые знания у себя в голове, а уложить саму Африку к себе в рюкзак. Это было бы волшебство, но его не бывает! А бывают чудеса! Вот за них можете не переживать! А что это такое – вы со временем сможете понять сами! А я всего лишь простой географ – Георгий Александрович и для меня будет чудом, если на следующий урок все придут подготовленными! – закончил он, все также таинственно улыбаясь.

Я не выдержал и громко засмеялся, хотя все еще сидел под партой, обнимая себя руками. Мне почему-то вдруг представилось, если бы все-таки у меня получилось уместить Африку у себя в рюкзаке. И прямо в нем, пока я бегу в школу, крокодил выпал из озера, испугав стадо зебр. Вообще все животные перемешались бы, перепугали друг дружку, деревья бы поломались, а река Нил вылилась бы, как вода из ванной.

Я бы пришел в школу, и охранник не хотел меня пускать, потому что из моего рюкзака течет мутная водичка, и торчит львиный хвост. И как бы я ему объяснил, что у меня в ранце целая настоящая Африка, и что она там делает? А мне срочно нужно пройти, чтобы не опоздать на урок и все там по-

править! Рассадить всех животных, рыбок и птичек по своим местам, поправить деревья, прибрать песок и налить обратно реки и озера, пока я не забыл географию. Нет! Это слишком большая ответственность! Хорошо, что волшебства все-таки нет!

Пока я смеялся, прозвенел звонок, и ребята начали быстро собираться и уходить. В классе остались только мы: Георгий Александрович у доски, и я под партой.

Он подошел ко мне и позвал встать. Я вылез, все еще представляя, как бы объяснял маме, почему все учебники у меня в рюкзаке пахнут испуганной зеброй. Георгий Александрович еще глубже взглянул на меня, почти как бабушка. Затем положил руку мне на плечо и спросил не боюсь ли я больше его указки. Я кивнул, что не боюсь. Тогда он снова улыбнулся, только на этот раз не только губами, но и глазами. И сказал:

– Тогда ступай на перемену, Димка-бесстрашный!

В коридоре все ребята продолжили смеяться надо мной, но я не обращал на них внимания. Смотрел в окошко и думал. Может быть, Георгий Александрович – родственник моей бабушки. Но тогда получается – он и мой родственник. А я всех своих родственников знаю, а его только сегодня первый раз узнал. Значит, секрет не в этом. Наверное, это и есть то самое «чудо», про которое Георгий Александрович говорил.

После урока ребята всю перемену передразнивали его

фразу, про простого географа Георгия Александровича. И, в конце концов, все начали называть его – Географ Александрович. Все – это совсем все! К концу дня это прозвище разлетелось по всей школе и, наверное, до сих пор ходит с ним. Только я по-прежнему называю его именно Георгием Александровичем. А он почти единственный, кроме папы, кто называет меня Димка, а не Митя или Митюша.

А еще в тот день наша классная руководительница узнала, что я испугался указки и сорвал урок. И, как оказалось, не такая уж она и классная, несмотря на свое название. Поэтому вечером в школу вызвали мою маму.

Когда мама пришла домой после собрания, то явно была не в настроении. Я ведь всегда вижу, когда мама вот-вот заплачет. Я хотел ее обнять, но она отвернулась к окну, и я увидел в отражении стекла ее слезы. Кап-кап, кап-кап, одна за другой. Мама начала таять.

Тогда я стал рассказывать ей про Африку в рюкзаке, чтобы отвлечь и успокоить. Но от этого она начала плакать еще сильнее. Мелкий дождик её слёз превратился в ливень.

Мама плакала и что-то говорила себе под нос. Было трудно разобрать, что именно, но, кажется, она ругала меня. Правда, обращаясь к себе самой, а не ко мне. И себя ругала, и указку тоже ругала, и Георгия Александровича, и волшебство. Мне кажется, она вообще ничего не забыла отругать. Но больше всего все-таки то, что я испугался такой на ее взгляд ерунды и «устроил сцену»!

Я не знал, что мне делать, и поэтому стоял и тихонько напевал себе песню из передачи «Зов джунглей».²

Мама все не успокаивалась, но тут дверной звонок мелодично задребезжал.

– Папа! – обрадовался я.

Мама почему-то так не обрадовалась, но все же пошла в прихожую, чтобы обнять и поцеловать папу. Но, приблизившись своими тонкими губами к папиным, тут же отвернулась от него, и маленькие морщинки на ее лице изобразили еще большее страдание.

– Опять пил? – сухо но, не переставая плакать, выпрыснула она.

– Совсем чуть-чуть! Ира, не начинай! Зачем сразу в слезы? – невинно ответил папа.

– Чуть-чуть? Да ты еле на ногах стоишь! Уже четвертый день подряд эти твои «чуть-чуть»! И это только на этой неделе! Сколько можно? И вообще с чего ты взял, что я из-за тебя плачу, может мне уже все равно! Один уроки в школе срывает, другой просто алкоголик! – мама закрыла грозовые облака своих глаз руками и затряслась в уголке коридора.

Папа тяжело выдохнул, откашлял кролика из легких и посмотрел на меня. Я понял, что придется провести еще одно родительское собрание, только кроме меня с папой на нем

² детская развлекательная передача. Первоначально выходила на Первом канале Останкино еженедельно в каждую субботу утром с 22 мая 1993 по 25 марта 1995 года и на ОРТ в каждую среду с 5 апреля 1995 до 12 января 2002 года.

больше никого не будет. Придется рассказывать ему, как я сорвал урок, что после этого мама так сорвалась на нас.

И я ушел к себе в комнату дожидаться папу. Через дверь мне было слышно, как он обращается к ней:

– Все нормально, дорогая, все хорошо!.. Тихо-тихо-тихо.. И почему сразу алкоголик? Никакой я не алкоголик! Ты просто устала и переутомилась! – пытался успокоить ситуацию папа.

– Да! Да, я устала! Устала ходить на эти собрания, почему не ты? Почему ты не ходишь на них? – мама не унималась. – Не алкоголик? А кто тогда? Я боюсь, боюсь, что это так! Очень боюсь! Что мне с вами обоими делать? Нет у меня уже никаких сил.. Оставь меня! – мама уже просто ругалась, а не плакала.

Дальше я их не слушал, а все думал о том, почему, когда я чего-то боюсь, то этим виноват перед мамой, и она ругается. А когда мама боится за папу, то она не виновата? Как бояться так, чтобы не быть виноватым? А еще, как становятся алкоголиками? Мама говорила, что папа уже четыре дня алкоголик. Значит это профессия. Но, наверное, плохая или за нее мало платят. Или, может, наоборот опасная. Может, это полицейское звание. Все верно! Мама сама много работает и вряд ли сильно переживает про денежки. Значит, мой папа герой, а она просто за него боится. Ой! Тогда все понятно: ты виноват, когда боишься за себя и не виноват, когда боишься за другого. А если ты вообще ничего не боишься

(в том числе, когда на тебя ругаются), то можно стать алкоголиком.

Второй раз я проснулся уже только от темноты. Она тут намного темнее, чем в городе и у нас в квартире. И я очень этого не люблю. Вы должны помнить. Это у меня не очень хорошая память, а у Вас, наверняка, в порядке.

Во сне, мне показалось, что темнота села прямо на меня. Я открыл глаза, но мне не стало ни капельки светлее, по-прежнему ничего вокруг не было видно. А потом темнота замурлыкала, и я понял – это Мурка снова со мной. Она разнежилась мягким теплом у меня на груди. Стало легче и спокойнее. Но все еще страшно темно, и поэтому я вытянул руку и, ухватившись пальцами за занавеску, осторожно впустил немного лунного света.

Огромная бледная от холода луна смотрит прямо на меня, а я на нее. Мне стало ее очень жалко, так грустно она выглядит и, кажется, дрожит от холода. Мою бедную луну то и дело закрывают большучие, самодовольные облачка. Они скидывают сверху огромные снежные хлопья, и те летят повсюду и кружатся в тайном танце снега. Некоторые снежинки, падая, прилипают к окошку, хватаясь друг за друга, собираются в целые семьи, но через несколько мгновений неизбежно тают и стекают на карниз, образуя на стекле множество мокрых дорожек. Даже снежок умирая, превращается в воду.

Неужели так происходит со всем вокруг? Однажды на уроке Георгий Александрович сказал нам, что вся жизнь произошла из воды. Получается, что жизнь выходит из воды и уходит обратно в воду. Будто бы ходит по кругу. Или плавает.

Хлопья моего вкусного снега все падают, луна укуталась в облачка, Мурка уснула, и стала медленно и едва слышно сопеть. Я думаю о снеге, о круговороте и о воде.

А не забыл ли я свой любимый шарик-игрушку?! Он должен лежать у меня в рюкзачке, я всегда стараюсь брать его с собой в дальние поездки. Это стеклянный шарик на серо-синей подставке похожей на колечко ствола дерева. Только помимо коры, он в некоторых местах оброс еще маленькими ракушками и кораллами, вокруг которых плавают такие же маленькие дельфины. Сам шарик наполнен водичкой. А внутри него стоит большая ракушка сине-белого цвета, и сверху на нее взгромоздились два дельфинчика. А в объятиях ракушки укутался маленький шарик, очень похожий на нашу планету, он тоже сине-белого цвета. Если чудо-шарик потрясти, то вокруг ракушки и дельфинчиков начинают кружиться вихри маленьких снежинок. Получается невероятно красиво! Хотел бы я попробовать их на вкус. Хотя мама сказала мне, что это не снежинки, а блестки, и они плавают, а не летают. И что этот маленький шарик внутри – вовсе ни какая не Земля, а жемчужина – драгоценность морей. Это все очень странно, потому что я никогда не видел ни одну рыбку в украшениях. Даже золотая рыбка в аквариуме

зоомагазина выглядела достаточно «скромно и со вкусом». А вот бабушка сказала, что она точно не знает, кто из нас с мамой прав. Ведь каждый человек видит то, что хочет видеть. Но потом после некоторой паузы она хитро улыбнулась мне и добавила, что, вообще-то, тоже никогда не видела рыбу в украшениях. Даже в субботу вечером.

Если Вам интересно, то этот шарик бабушка мне и подарила, когда мы отдыхали на юге.

Мы стояли у длинного изгиба вокзальной платформы с мамой, папой и бабушкой. Я смотрел на рельсы и нюхал вокзал. Он пах дымом из труб паровозов, мазутом, и духами приезжающих и уезжающих, дяденек и тетенок. Родители с бабушкой стояли около сумок, напротив входа в наш вагон и о чем-то разговаривали. Мне очень не терпелось скорее поехать, и я не мог ни на чем сосредоточиться, только похаживал на противоположный край платформы и пытался отыскать взглядом семафор. Вдалеке горело несколько красных огоньков, и я переживал, что если они сейчас станут зелеными, то наш поезд уедет без нас, а мы останемся нюхать запахи вокзала. Поэтому я постоянно подходил к родителям и по очереди дергал их за рукава, звал проходить в вагон. Они высвобождали руки, просили их не доставать и набраться терпения. Со стороны все выглядело так, будто они специально окружили сумки со всех сторон, и мама со стро-

гим лицом их за что-то ругает, предупредительно покачивая указательным пальцем, а папа растерянно смотрит то на бабушку, то на маму, то на сумки, словно они вместе в чем-то провинились. Бабушка одобрительно качала головой, мягко улыбаясь, и периодически поворачивалась в мою сторону.

Это выглядело очень забавно, я засмеялся, но мне было не с кем поделиться своим замечанием, а ведь приятно разделить что-нибудь веселое еще с кем-нибудь. Я обернулся и увидел незнакомого дядечку. Весь взмыленный этот дядечка куда-то торопился. На его невероятно волосатых ногах болтались шорты расцветки попугая и такая же пестрая рубашка. Она была полностью расстегнута и развивалась за ним, как плащ супергероя, а еще оголяла его смешной пупок, выглядевший так, будто он пытается вылезти наружу и подсмотреть, куда это они с дядей так торопятся. Пробегая мимо, он споткнулся, да так, что один из его шлепанцев-сланцев отлетел прямо в меня. Тогда он подошел, извинился и начал одевать свой шлепанец обратно. Я потянул его за руку, показывая в сторону моей семьи, беспощадно окружившей наши вещи, и попытался объяснить, как это смешно. Но вместо того, чтобы посмотреть на них и улыбнуться вместе со мной, дяденька отскочил в сторону и громко забарабанил:

– Мальчииник! Ты чоо потерялся?!

Я отрицательно махал головой и продолжал со смехом рассказывать про наши окруженные вещи. Дядя выпучил

глаза и начал надуваться, как мыльный пузырь. Мне показалось, он вот-вот лопнет. Но тут вовремя подросла моя мама. Она схватила меня за руку и потащила к бабушке с папой.

Дядечка все стоял так и стоял с выпученными глазами и пупком, и со шлепанцем в одной руке, и медленно сдувался. А мама, отдаляясь от него, обернулась и пустила в его сторону молнию. Она это умеет.

Мама тянула меня обратно к папе с бабушкой. Резко сдвув с правого глаза локон своих светлых волос, она сказала командно-вкрадчивым голосом:

– Пора идти в вагон, поезд вот-вот тронется!

Она сказала это и выжидающе посмотрела на папу, который сразу все понял (он у меня самый умный), взял мой рюкзачок, закинув его себе за плечо, потом захватил в одну руку большой плетеный пакет, а второй покатил сумочку на колесиках. Я рванулся ему помочь, ведь мы с ним мужчины, но мама крепко держала меня рядом с собой. А когда папа скрылся внутри вагона, она присела на корточки и нырнула своими дрожащими серыми хамелеонами – глазами прямо в мои. Хамелеонами потому, что они у нее наливаются зеленью и радостью, когда ей хорошо, а когда ей грустно, ее глаза заволакивают серые тучи. Я же Вам уже говорил, что всегда вижу, когда мама вот-вот заплачет. Она держала меня за обе руки, потом притянула к себе и поцеловала в лоб и в щеку. А потом еще раз. И еще. Я видел, как ее глаза зеленеют, и сказал:

– Поехали! Чух-чух! – согнув руки в локтях, я начал изображать отъезжающий поезд. Но мама немного, отпрянув от меня во всю длину своих стройных бледных рук, сжала губы, и отрицательно покачала головой:

– Нет, Митюша, мы с папой не сможем с тобой поехать! У нас очень много дел! – она тяжело сглотнула, будто проглотила большую горькую таблетку, и продолжила, – Ты поедешь с бабушкой Ксюшей! И обещаешь мне быть хорошим и послушным мальчиком! Ты ведь обещаешь?

Я ее слушал, но ответить не мог. Ведь я уже придумал для всех нас столько игр, когда мы приедем.

Мама еще раз меня обняла. И тут я подумал – надо было сразу догадаться, что они с папой не поедут. Мама любит путешествовать с гораздо большим количеством вещей. И куда-куда, а во все ее сумки можно было бы уложить не одну Африку.

До звона в ушах какая-то крикливая тетенька по всему вокзалу эхом оповестила всех, что наш поезд уезжает через три минуты. Я очень ждал, что она еще добавит, как в школе: «Класс, поторопитесь! Кто не успеет вовремя – отдыхать не поедет!». Но этого не произошло. Зато это сказала мама, и я опять вспомнил, что еду на юг без нее. И без папы.

Он как раз уже вышел из вагона и обнял на прощание бабушку. Она в ответ потрепала его по волосам и сказала, чтобы они с мамой не расстраивали нас, пока мы в отъезде. Поезд начал сильно сопеть. Папа оторвался от бабушки,

подхватил меня на руки и крепко обнял. Потом поцеловал, слегка щелкнул по носу своим розовым пальцем, подмигнул и поставил одним махом в тамбур. Затем подал руку бабуле, и она тоже оказалась в вагоне. Равнодушная проводница закрыла дверь, и мы с бабушкой пошли по тощему коридору вагона искать наши места.

Это оказалось не трудно, бабушка почти сразу заприметила вывалившуюся в проход коридора ручку нашей сумки. Та упала с полки. Бабушка улыбнулась и сказала мне, поднимая сумку:

– Какой же он неаккуратный и невнимательный! И так всю жизнь! Из-за этого у него столько проблем, а он все не меняется!

Проход был расчищен. В нашем купе сидела какая-то девушка в платке. Разложив перед собой на столике зеркальце, она водила карандашом у себя по лицу. В окно на перроне я увидел родителей, бросился на свободное сиденье и забарабанил в стекло, чтобы они меня заметили:

– Мааааа! Паааааа! Маааааа! – подзывал я, прижавшись к стеклу носом.

Папа увидел меня и, положив маме на плечо руку, указал на меня. Она как-то странно одернула его руку и подбежала к окну. Верхняя часть окошка была открыта, и я слышал, как папа и мама прощаются со мной и бабушкой. Мама как раз говорила ей, чтобы та немедленно закрыла окошко, а то ветер продует мой слабый иммунитет. Хотя я никакого имму-

нитета с собой не брал, а свой рюкзачок я всегда собираю сам и знаю, что в нем лежит. И хоть папа с мамой на прощание что-то мне говорили, я им не отвечал, а только прислонил ладошки к стеклышку, прямо к тем местам, где были мамина ладонь и папина, и почувствовал, что этого стеклышка будто бы и нет. Ощущал тепло их пальцев, водил по изгибам их подушечек и на прощание сжимал. Поезд тронулся, и мама с папой начали удаляться. Они еще раз помахали нам с бабушкой, а мы им. Папа достал из кармана куртки пачку сигарет и обратился к маме что-то сказать, но она обернулась в дальнюю от него сторону и, словно не замечая, прошла мимо.

Так летит сильный ветер. Не имея возможности сдуть тебя своим порывом, он, что есть силы, пронизывает тебя холодом. Папа вздрогнул, прикурил сигарету и, выпустив почти паровозные клубы дыма, продолжил стоять, провожая взглядом не наш поезд, а маму. Я испугался. Показалось, что то, как по волшебству исчезнувшее из окна нашего купе стекло, встало в этот момент между мамой и папой. Мамы с папами не должны ходить за стеклом друг от друга. **ВСЕ ИЗ-ЗА ЭТОГО ВОЛШЕБСТВА!** Может оно все-таки существует?! Я очень расстроился и у меня потекли слезы.

Тетенька с зеркалом увидела меня и, не отрывая взгляда и продолжая водить карандашом себе по лбу, сказала, слегка крякнув:

– Чего же ты расстраиваешься? Вы, как я вижу, едете от-

дышать, а не уезжаете навсегда! Значит, ты скоро снова увидишь своих родителей!

– Глупая тетка! – думал я про себя и злился, – Ничего ты не понимаешь! Ничего не видишь!

Я стал качаться назад-вперед, мотая головой из стороны в сторону, тянул свое длинное, как перрон: «Нееееееееееет!».

Не помню, это я сам все еще качался или скрипучий вагон подхватил мой порыв, разгоняясь, но я почувствовал объятия бабушки. Она глубоко-глубоко посмотрела на меня, я успокоился в ее руках, обмяк и затих. А она тихонько прошептала мне на ушко: «Все будет хорошо. Все у них наладится, родной!».

Кажется, бабушка тоже видела это стекло между ними..

Два дня мы ехали до станции Новороссийск. Почти всю дорогу наша попутчица проводила либо у зеркала, пытаясь залезть в него чуть ли не целиком, либо в своем телефоне. Периодически она вытягивала телефон на всю длину руки и начинала кривляться прямо в экран, постоянно ерзать, менять позы на своем сиденье-кровати и недовольно вздыхать каждый раз, после очередной смены положения и гримасы лица. Мне было страшно интересно узнать, что с ней происходит, но из вежливости я помалкивал.

По пути поезд часто останавливался, мне нравилось смотреть в окошко за множеством выходящих и заходящих пассажиров, дяденек и тетенок, взрослых и старых, с детьми

и с сумками. Чем дальше мы ехали, тем меньше одежды и больше шума было от этих людей. Они постоянно шурились от солнышка, которое здесь не уходило почти никогда. Поэтому через какое-то время я даже научился отличать тех, кто живет на юге от тех, кто приехал сюда, как говорил папа «погреть кости». Не знаю, что это значит. Мой город знаменит тем, что все приезжают сюда «на развод», а вот на юг все едут «греть кости». Георгий Александрович нам ничего такого не рассказывал. Местные жители, судя по всему, всю жизнь проводят с закрытыми глазами, потому что ночью они спят, а днем шуруются. Именно поэтому их так легко отличить от всех других по глубоким, даже больше чем у моей бабушки, жестким коричневым морщинам в уголках глаз. А еще я понял, почему они так громко себя ведут – это оттого, что они совсем почти ничего не видят, и чтобы обратить на себя внимание, им приходится громко и эмоционально говорить.

Тогда я придумал себе игру, чтобы было не так скучно ехать. Каждый раз, когда наш поезд в очередной раз останавливался, и из него начинали выходить и заходить пассажиры, прибегали встречающие или те, кто пытается продать им носочки, раков, рыбку, пирожки, семечки, маечки, карандаши, книжки, пиво, лимонад, мороженое и еще множество других вещей, я садился поближе к окошку и угадывал, кто из них кто. Местных жителей я решил называть – «кости», а приезжих – «развод». И вот, сидя у окошка, я водил пальцем

по стеклу и тихонечко говорил: «Кости, развод, кости, кости, кости, развод, кости, развод, развод...». Меня очень забавляло это развлечение и бабушку, похоже, тоже, потому что она улыбалась вместе со мной и гладила меня по голове, иногда поправляя. А вот нашей временной соседке моя игра совсем не понравилась. Сначала она вовсе и не обращала на меня никакого внимания, наверно, не хотела тратить себя на что-то другое кроме телефона, зеркала, и набора всяких баночек и кистей с губками для разукрашивания лица. Но чем более увлеченно я играл, тем недовольнее становилось выражение резиновой кожи ее физиономии. Это было заметно даже под слоем пыльной розовой пудры. Соседка начинала охать и вздыхать, грозно поглядывая то на меня, то на мою бабушку. И когда вагон в очередной раз натужно закричал и заскрипел тормозами по рельсам в преддверии новой остановки, наша попутчица глубоко-глубоко выдохнула, закатив глаза (я даже нечаянно вспомнил маму, когда она недовольна папой) и зашипела себе под нос почти по слогам:

– Гооос-по-диии! Сей-чаааас о-пяяять нач- нее-еет-сяяя! Воот уго-рааааз-ди-лоооо! Су-ма-шеед-шш-шш-иеее! Охххххх!... – разводя своими худыми, длинными ручищами в маечке-мешке, она напоминала змею в силке.

Я посмотрел на нее и невольно засмеялся! Девушка-змея, которая уже больше чем целый день и целую ночь пытается залезть целиком в свое зеркало, кривляется и дразнит свой телефон, а в перерывах между этим спит, набираясь сил

на новые попытки все-таки добиться своего, сейчас называет меня сумасшедшим! ЭТО ПРАВДА ОЧЕНЬ СМЕШНО!!!

А моя бабушка взглянула на нее родительским взглядом (вторым фирменным), подтянула уголки губ кроткой улыбкой и сказала:

– Знаете, Анечка, сумасшедших людей не бывает, есть только те, кого мы не пытаемся или не можем понять, что в целом одно и то же. Зато бывают неунывающие люди, а еще психически неустойчивые! И, хотя такая долгая дорога сильно утомляет, мы с Митюшей предпочитаем не унывать (бабушкино «Митюша» всегда звучит не как у остальных), а Вы?

– Женщина, на что это Вы намекаете? Если будете переходить на личности, я не посмотрю на Ваш возраст и скажу Вам все, что думаю! – грызла воздух Анечка.

– Анечка, я же говорила, можете называть меня бабушка Ксюша! – светила улыбкой бабушка, – А что касается – говорить все что думаете, то это не только Ваше право, но обязанность! Только нужно сначала правильно подумать, а это большой труд. Но этот большой труд легко осилить маленькими шажочками. А самым первым из них может стать простая улыбка. Потом, после этого первого шажочка, Вы сможете передохнуть и, например, рассказать нам откуда, куда и зачем Вы едете, Анечка! Если конечно Ваш телефон не будет возражать! – бабушка била точно в цель.

Несколько мгновений Анечка вела внутреннюю борьбу.

Это было видно по тому, как забегали ее желваки. А затем, все-таки, решила приступить к «большому труду», но пока не очень понимала, как это правильно сделать и, жуя слова, ответила:

– В гости.. в Ростов.. на каникулы.. на месяц.. а потом домой!

– РАЗВОД!!! – не удержался я.

Так я и думал! Ведь не было у нее этих солнечных морщинок в уголках глаз, хотя ее бесконечные попытки замаскировать при помощи косметики вообще какие-либо признаки жизни на своей физиономии делали мою задачу невероятно сложной!

Анечка от неожиданности икнула и уставилась на меня, как зачарованная. Так прошло несколько секунд! Она, не отрываясь, смотрела, а потом.. потом она улыбнулась! Оказывается, у нее на левой щеке есть милая ямочка.

Я повернулся к бабушке, сказать что-то важное, а она как будто уже давно ждала меня, была готова поймать мой взгляд:

– Ну что, Митюш?

– Я сейчас чудо видел. Правда?

– Да, дорогой. Мы оба.

Анечка покинула нас на станции Ростов-Главный, его еще называют Ростов-Папа (интересно, чей он папа. Точно не мой, моего зовут Саша). Она вышла и сразу же слилась с большущей толпой тех, кто тоже считает, что Ростов – глав-

ный. Здесь желающих сесть в наш поезд было намного меньше, чем желающих с него сойти. И я даже сбился, угадывая, кого здесь больше. Тех, кто вернулся домой или приехал в гости.

Когда к нам кто-то приходит в гости, мы предлагаем ему чувствовать себя у нас «как дома». Мне всегда было интересно, как это. Я очень редко бывал в гостях и даже, когда мне предлагали чувствовать себя «как дома», не понимал, что это значит. Один раз после такого предложения я попытался помыть в раковине маминой подруги всю посуду, но у них были какие-то неудобные, скользкие тарелки, поэтому я почти сразу выронил одну, и она разбилась, расколов собой еще одну тарелку, бокал и кружку. Мама стала меня ругать и отправила в комнату, но я так расстроился и растерялся, что по дороге, в темном коридоре споткнулся и свернул вешалку со всеми куртками, и сам упал вместе с ней, саднив локоть и коленку. Дело было зимой, а вешалка стояла прямо над стадом сапог и ботинок других гостей, с которых огромной лужей по полу стекала мутная вода – остатки раздавленных снежинок. Поэтому, упав, мы со всеми куртками мгновенно промокли, впитав в себя почти всю влагу с пола. На шум прибежала мама, ее подруга и половина гостей. Тут я понял, что здесь все-таки не смогу чувствовать себя «как дома», и что вообще не понимаю, как это правильно чувствовать, чтобы все поняли, что ты «как дома». У нас дома по вечерам в коридоре всегда горит свет. Мама с папой

знают, как я не люблю темноту. Я не плакал, но встав, недовольно сказал: «Дома в коридоре свет!» – и нахмурил брови. Мама начала перед всеми ураганно извиняться. Она крутилась между гостями, с виноватым лицом поднимала их одежду с пола и трясла ей, пытаясь высушить. Естественно, безрезультатно. Потом она быстро-пребыстро одела меня, и мы тут же поехали домой. Дома мама плакала и, конечно, звонила бабушке.

Я смотрел на перрон Ростова-папы и снова задумался о том, как все-таки чувствовать себя «как дома» или «как в гостях». Мне вспомнилась одна книжка, в которой автор рассказывал про красочные чайные церемонии в далеком Древнем Китае. О том, как участники церемоний готовятся, настраиваются, заваривают, разливают и пьют этот самый простецкий напиток, которого я дома могу пить сколько угодно и даже залпом. Может такие же церемонии нужно соблюдать, когда ты пришел к кому-то в гости? Но только во всем: и когда пьешь чай, и когда ешь салат, моешь посуду или руки. Но так как это все нудно и долго, а еще, потому что в гости все обычно ходят голодными, желая съесть и выпить по-больше всякой вкуснятины, то гостям предлагают сразу чувствовать себя «как дома», и они накидываются на стол, порой даже не помыв руки. А потом веселые и сытые поют и спят там же, где только что ели и пили. Но, с другой стороны, есть же разница между понятиями «чувствовать» и «вести». Кушать из общей вазы без хлеба селедку под шу-

бой – это все-таки действие. А чувство насыщения, оно и дома, и в гостях одинаковое, приятное и теплое, правда иногда от него болит живот. Значит, это что-то другое. Может быть это расстояние? А на каком расстоянии заканчивается чувство дома и начинается чувство гостей? Да и вообще, что это за чувство такое, я не понимал. Как чувствовать чувства и как их отличать? Наверно, только один человек может мне сейчас помочь – конечно, бабушка.

Наш поезд протяжно свистнул и, со скрипом раскачиваясь, потянулся дальше. Уже темнело, солнышко зевало и ложилось спать, за окном начали мелькать темные силуэты лесов и редкие фонари деревенек. Я смотрел в окошко и пил чай без соблюдения всяких церемоний, понемногу отпивал из граненого стаканчика в красивой металлической подставке из резного металла, ударяя себя по носу ручкой такой же красивой ложечки, которую по привычке никогда не достаю даже после того, как сахар на дне раствориться. Из наших стаканчиков исходил легкий дымок испаряющегося в полумраке купе кипятка. Я брал со стола очередную рассыпчатую печенюшку и слушал бабушку. А она, обернув плечи в теплую накидку, и подогнув ноги под себя, точно молодая девушка, смотрела на меня, как только она умеет, потом на свой чай и в окошко. Улыбалась и, приподняв брови, и слегка нахмутив лоб, вынимала из головы нужные слова:

– Поведение – это всего лишь внешний признак пылающего в тебе «чувства дома». И это не обжорство, желание

помочь в уборке или что-то еще. Это открытость твоего общения, свобода твоих движений и легкость мысли! – как бы в подтверждение этого бабушка облокотилась на стеночку своего сиденья, положила руки на колени, ароматно втянула в себя пронизанный крепким духом чая воздух, а затем продолжила, – Расстояние порой может стать дополнительным топливом, расплыть чувство или, наоборот, потушить, но оно не может стать причиной образования того или иного чувства. Все наши главные чувства находятся внутри нас, в нас же они и рождаются, и чувство дома тоже. На свете есть люди у которых нет дома, ты видел их много раз. У них нет крыши над головой, нет понимания, где они будут спать следующей ночью и что кушать. Они живут на вокзалах, свалках или в подвалах. Стоят в метро и других людных местах, прося милостыню, или пытаюсь украсть себе пропитание. Почти всегда они плохо одеты и дурно пахнут, и выглядят так, что их достаточно легко определить в толпе. Несравненно легче, чем понять, почему они такими стали, сами ли сделали свой выбор, или жизнь повела их по этому непростому пути. И на том перроне, который мы сейчас оставили, были не только те, кто приехал в гости или вернулся домой, там были еще и люди, у которых нет дома. Однако, не всех бездомных можно найти в толпе взглядом. Есть еще один вид бездомных, они такие же как «развод» или «кости», как я или ты. Ты можешь тысячу раз в день пройти мимо такого человека, даже не поняв, как он отчаянно бездомен. Пото-

му что свой главный дом человек несет внутри себя. Неважно, где он находится, неважно какое расстояние отделяет его от того места, где он родился, вырос или живет, если внутри себя он дома, если он в гармонии с собой. Быть дома – это быть счастливым. А если человек внутри себя не дома, он нигде не будет спокоен и счастлив, нигде не будет чувствовать себя как дома. Он может проехать бесконечное количество километров, стать близким несчетному количеству людей, увидеть все чудеса света, заработать и раздать все богатства на земле, но так и не найти себя. Все перроны мира будут одинаково пустыми, все посадочные полосы одинаково чужими. Солнечный воздух Ростова будет душить, серый асфальт Сиднея колоть ступни, Лондонские дожди прибивать к земле, а бесконечные льды Антарктиды морозить сердце. Быть «как дома» – это чувство того, что ты там, где должен быть. И если все в порядке, то ты везде будешь «как дома». А если твой дом разорен, ни в одном уголке света ты не найдешь себе новый. Однажды выйдя из себя, потом очень трудно найти дорогу обратно. Мы убегаем от себя в поисках утраченного интереса или кого-то, кто однажды взял и покинул наш дом. И тогда за ним уже некому следить, на него нападает время, оно приносит катаклизмы, которые разрушают его, изменяют до неузнаваемости, он начинает протекать и гнить так, что мы просто перестаем его признавать, и наши поиски превращаются в последнее путешествие в никуда, которое может длиться годами и десятками лет. Поэтому очень

важно никогда не терять свой дом и не давать ему обрушиться, даже если его оставили все, с кем мы его строили и кого пустили жить, собрав все свои вещи, ушли, как выпускники из школы после последнего звонка.

– У тебя есть дом? – спросил я бабушку.

– Конечно, есть! И ты в нем живешь!

– С ним все в порядке? Он такой, как на Смоленской улице? Ведь дедушка ушел..

– Не переживай, родной, все с ним в порядке, наш дедушка ушел только из земного дома, но в моем доме он живет по-прежнему. А дом на Смоленской улице, кстати говоря, обещал в скором времени отремонтировать твой папа!

Это меня сильно успокоило. Не хочу, чтобы с бабушкиным домом что-то было не так.

– А папин?

– Да Митюша, с папиным домом тоже все в порядке, хотя Саша очень любит играть с огнем! Его в постройке очень сильно вдохновила мама!

Мне стало еще спокойнее на душе. Но я чувствовал, что ответ на вопрос, который просился следующим, не даст мне окончательного успокоения.

– А мамин дом? Мамин?

Бабушка придавила верхней губой нижнюю, немного опустив уголки, ответила:

– А с Ириным домом все не так просто. Он у нее в порядке, но ей кажется, что кто-то или что-то его разоряет. И она

не понимает, что это она сама и есть. Поэтому ищет виноватых, и постоянно вышвыривает из своего дома безвинные вещи и людей.

Я посмотрел на бабушку, с вопросительной надеждой, с желанием подсказать, как помочь, пытался подобрать нужные слова, но она, как и всегда все уже поняла.

– Нет, Митюша, она нас не слушает и не поймет. Взрослые люди очень упрямые. И порой в самых важных ситуациях фатально глупы. Просто не хотят никого слушать. И уж точно не поймут и не примут, что им попытается объяснить ребенок, как ты, или бабушка, которая ничего не знает про современную жизнь! Так что наша мама будет сама разрешать свой конфликт только с собой, даже не подозревая об этом. А мы с тобой можем лишь пытаться навести ее на эту истину не прямыми путями. Слушать и слышать – это огромный дар, которым не так-то просто овладеть, особенно когда не можешь наговориться сам.

Бабушка была права и это грустно. Поэтому я решил лечь спать. Ехать оставалось совсем немного. Я залез под одеяло и закрыл глаза. Грусть беспокойства о маме сжимала мой дом в груди. Но все же последнее о чем я подумал перед тем, как уснул, было то, что весь наш вечерний разговор с бабушкой я боялся только за нее, маму и папу, совсем не думая о себе. А это очень хорошо. Значит, если так будет и дальше, то возможно когда-нибудь я смогу стать алкоголиком.

Я проснулся глубокой, темной ночью в Новороссийске.

Еще очень хотелось спать, глаза слипались сами собой, поэтому я плохо запомнил дорогу к нашей базе отдыха. Помню только, как лаяли в темноте собачищи, желтые фары такси, да несколько крутых поворотов, на которых сквозь сон в мое тело больно врезались ремни безопасности. Потом меня еще раз осторожно разбудила бабушка, я вылез из машины, и мы прошли к нашему номеру, где я снова лег и проспал до утра.

Утром я открыл глаза и увидел, что и солнышко, и бабушка уже поднялись раньше всех. Они вместе светили на меня и улыбались. Я потянулся изо всех сил с громким: «Бааааааа!».

Она прислонила большой палец к губам и велела быть тише, потому что здесь очень тонкие стены. Я виновато улыбнулся.

Бабушка никогда на меня не ругалась. Она говорила – это непродуктивно, ведь ругань и крики только ломают нервную систему. Что такое нервная система я не знал, но видимо, какая-то очень важная система, а я – ее часть.

Бабушка показала мне, где находится душевая комната, и велела идти чистить зубы и мыться. Я разделся, встал в душевую кабину и, с усилием поворачивая ручки, открыл кран. Спустя мгновения на меня полились звонкие капли. Вода была очень холодной, я даже вскрикнул от неожиданности и отскочил в сторону. Водичка постепенно нагревалась, но сильно теплой так и не стала. А еще она будто бы не мыла меня, а гладила. Поэтому я с трудом смыл с себя

мыло, весь заплескался и залил пол душевой огромной лужицей. Потом вылез из душа и, весь дрожа, и стуча зубами, стал искать полотенце, которого нигде не было. Тогда я позвал бабушку, а она покачала головой на мои синючие губы и начала долго и сильно натирать меня так, что казалось, я скоро начну пахнуть, как горелый поп корн в кинотеатре. Но бабушка сказала, что мне надо беречь свой иммунитет, а холод для него опаснее всего. Значит, все-таки, у меня есть какой-то иммунитет, но так как я стою голый, совсем без всего, а бабушка утверждает, что он все еще в опасности, то видимо, он такой же неосязаемый и невидимый, как и наши внутренние дома.

Мы сели завтракать. Бабушка наливала мне в стакан молоко и одновременно разговаривала по телефону с мамой, отчитывалась перед ней о нашем приезде. Мама очень любит отчеты.

Молоко плескалось, накатывая на стенки стакана, и звонко журчало, точь-в-точь, как бабушкин голос. Бледно-рыжие солнечные лучи пролезали в окошко, слепили глаза и пытались незаметно добраться до моего молочка, чтобы тоже его попробовать. Я улыбался и вертелся вокруг, стараясь запомнить, что все-все сейчас такое теплое, такое уютное и родное. Всё, как дома.

Бабушка прислонила телефон к моему уху, и я услышал маму. Как жаль, что голос нельзя потрогать. Я схватил трубочку обеими руками и закрыл глаза, чтобы услышать, как

можно больше. Потом попытался рассказать ей про Анечку из Ростова-Папы, но, кажется, она совсем меня не понимала! Услышав слово «папа», она тут же подумала о нашем папе и стала ругаться. Выругав папу, она взялась за Анечку, за погоду в городе – то жаркую, то дождливую, потом еще прошла по продавцу в магазине и совсем сбила меня с толку! Я пытался ее остановить, сменить разговор, как мы с бабушкой договорились в поезде, но у меня это совсем не получалось. И тогда я решил поделиться с ней своей самой большой радостью грядущего дня: сегодня я первый раз в жизни пойду на море. Смотреть и купаться. Я еще никогда не был на море, не видел его и не чувствовал. И теперь громко и настойчиво повторял маме об этом:

– «Море! Море! Мама! Море!..

Голос на той стороне затих. Она тяжело вздохнула, я не понял о чем. И потом уже спокойным голосом мама продолжила:

– Ах да! Точно. Море. У меня же еще работы море, что-то я заболталась с вами совсем! Позови бабушку! А тебя, Митюша, я еще раз целую и прошу быть хорошим мальчиком! – мамин голос стал почти безмятежен.

Я одернул бабушку за рукав, попрощался с мамой и отдал телефон.

Я давно уже заметил, что не ругалась мама только на свою работу. Она, конечно же, не ругалась всегда и на всех, но, если быть честным, все равно делала это очень часто. Зато

всякий раз, переходя мыслями в работу, если не успокаивалась совсем, то уж точно становилась мягче. «Как кусочек масла, который вынули из холодильника» – это папа так про неё говорил говорил. А потом еще добавлял:».. это значит, через двадцать минут она совсем растает, и ее можно будет кушать, не боясь поперхнуться. Тут то мы ее и обнимем!..».

А потом мы пошли на море. Или в море. Нет..

.. к морю. Да. Мы пошли к морю. А что делать с морем – это уже каждый сам пусть решает. Вы когда-нибудь видели живое море? Я не видел. Тогда еще не видел. Это сейчас, лежа в кровати на Смоленской улице, и вспоминая тот день, я могу сказать, что видел, что мы с ним хорошие знакомые, а может и друзья. А тогда, пока мы с бабушкой спускались извилистой обочиной дороги вниз, к берегу, к пляжу, я его еще ни разу не видел. И поэтому очень нервничал. Интересно, какое оно? Я не знал про него почти ничего, может кроме того, что оно соленое. Но почему – тоже не знал. И чем ниже мы спускались, тем чётче я различал соленый аромат воздуха, будто бы на нас начала дышать огромная рыба из гастронома. Бабушка сказала, что еще один поворот, и море откроется перед нами, а мы сможем его увидеть. Тогда я остановился, взял бабушку за обе руки и спросил:

– Ба! Море видит нас?

– Нет, Митюшенька, не видит, у него нет глаз!

Она заметила, что я немного расстроился такому ответу, поэтому добавила:

– Но уверена, оно нас чувствует!

Тогда я решил – это нечестно, что мы видим море, а оно нас нет. Тем более, я с ним еще даже не знаком. И ухватившись за бабушкину руку покрепче, закрыл глаза и пошел за ней.

Бабушка вела меня к самой воде, я снял шлепанцы и перебирал босыми ногами к самой кромке, тонул в гладких пластинках гальки, а те с каждым шагом становились все мельче и мельче.

– Вот мы и пришли! – бабушка остановила меня уже на влажных камушках, – Можешь знакомиться! – она отпустила мою руку.

Я сделал шаг вперед. И.. и оно осторожно лизнуло меня! Сразу. Даже не лаяло. Я шагнул еще дальше и, оступившись, чуть не упал. Здесь галька была уже размером с ладошку и очень скользкой. Мне удалось устоять и выпрямиться. Водичка продолжала облизывать мои ноги то у голени, то почти у самых колен. В такт волнам отовсюду громоздко и свободно доносилось певучее шипение. Я вдохнул полную грудь его свежего дыхания, потом наклонился и попробовал воду на вкус. Море действительно оказалось соленым, но только не как соленые огурцы или пересоленный суп, а как кровь. Да-да, именно как кровь, я пробовал ее, когда меня укусила соседская собачица, и это именно тот самый вкус. Оно дышит, оно чувствует, оно живое! Оно теплое, мягкое и доброе, как объятья родных. Ничего удивительного, что из него вся

жизнь вышла! Теперь в этом не было никаких сомнений. Я открыл глаза. Оно было неровно-бесконечным, словно простыня после сна. Синего цвета..нет.. зеленого, как мамыны глаза.. и снова синего, а еще белым и золотым на макушках волн. Оно было таким, каким хотело быть. Оно было свободным. И делилось этой свободой. Свободное снаружи, живое внутри – таким оно со мной встретилось, таким я его и запомнил.

И тогда я решил, что теперь всегда, сколько бы раз мне не пришлось приходить к морю во время нашего отпуска и в любое другое время тоже, я буду приходить к нему с закрытыми глазами, чтобы сначала почувствовать его, а потом уже смотреть – так будет честно.

А Вы помните свое первое море? Каким оно было? Каким Вы его чувствовали, а не видели? Не помните? Взрослые привыкли сначала все проверять, разглядывать, рассчитывать. Они заранее ждут чувств и эмоций, изучают желанный объект и настраивают себя на то, каким он должен быть, каким они должны его почувствовать. А потом они приходят к нему, и он их разочаровывает. Иногда не сразу, как море. Они заходят все глубже и глубже, ищут следы своих надежд, но оно разочаровывает их все больше и больше. И они плюют в него и убегают прочь. А все оттого, что они слишком долго стояли на берегу и прикидывали для себя, каким оно должно быть. Каким оно должно быть для них! Море. Должно. Быть. Для. Них. Вот умора! Оно само может наплевать на ко-

го угодно, ведь оно живое и свободное. А если бы взрослые научились сначала пытаться почувствовать то, с чем столкнулись, а потом уже смотреть – все было бы совсем иначе. Они бы всё поняли. И меньше расстраивались. И расстраивали. Потому что они делают так не только с морем, но и друг с другом тоже. Я много раз слышал, как они говорят друг другу (в том числе и мама с папой): «раньше ты был другим» или «когда мы познакомились, ты мне нравилась гораздо больше». Но откуда же им это знать, если они даже не пытались друг друга почувствовать, если они только и делают, что разглядывают друг друга, оценивают, прикидывают, рассматривают в разной одежде или голыми, на фотографиях, на видео, по чужим словам. И представляют, какими они должны быть друг для друга. Создают желаемый образ, совершенно забывая, что не только они одни живые и свободные, как море, но и все вокруг. А потом разочаровываются в своих же фантазиях, но винят во всем друг друга, а не себя. Закройте глаза и зайдите в море босиком. Узнайте море, почувствуйте его. И дайте морю почувствовать Вас. Делайте так постоянно, заходя в любое из морей. А когда почувствуете – любуйтесь, наслаждайтесь или сразу бегите обратно на берег!

В тот день мы с бабушкой почти до заката наслаждались загаром, пляжем и купанием, пропустили обед и ужин, поэтому кушали бутерброды. Похоже, бабушка заранее знала, как все сложится и, как обычно, была готова.

Мы поднялись от пляжа, и пошли вдоль набережной к магазинам. Нам нужно было купить что-нибудь вкусное на вечер, ведь столовая в пансионате была уже закрыта. И вот тут-то я его и увидел.

Бабушка ходила между торговых рядов, разглядывала овощи и фрукты. Бесконечное множество разноцветных ягод, бананов, винограда, персиков и абрикосов усыпали прилавки. Фруктовый запах пронизывал воздух, будто мы прогуливались в коробке из-под свежавыжатого сока. Сначала я ходил за бабушкой след в след, как она и просила. Но мне было очень трудно держаться рядом, когда вокруг тебя открывается столько всего нового и интересного. Я вылез из коробки из-под сока и попал на молочную ферму, а потом провалился в корабельный трюм, меня окружили лоточки со всевозможными видами рыбы – сырой и по-разному приготовленной, в основном сушеной. И все эти рыбины разом уставились на меня своими копчеными и вялеными глазами или тем, что от них осталось, и мне стало так не по себе, что я закрыл глаза, и поскорее отвернулся сказать бабушке, что хочу отсюда уйти. Только вот, обернувшись, увидел, что ее нет. Мы все-таки потерялись. Было самое время начать плакать и звать ее. Но в тот же момент, я почувствовал на себе еще один взгляд.

С полки одного из лоточков на меня выпячивал свой единственный глаз пират. Он опирался подмышкой о костыль, закрывая собой сундук с сокровищами, а в костлявых,

с кривыми пальцами руках держал какой-то странный стеклянный шар на подставке. Я осторожно подошел поближе, чтобы его разглядеть. Пират сидел на самой ближней и большой полке лотка, вокруг него громоздились разные морские находки: корабли с мачтами из ракушек, пиратская одежда, морские украшения, песочные часы, корабельный штурвал, всевозможные магнитики и много-много всего еще. А я не мог оторвать взгляд именно от этого стеклянного шарика в пиратских руках. Он держал его за подставочку, вырезанную из ствола дерева. На ней было еще что-то изображено, но ладони пирата не давали мне полностью разглядеть, что именно. Сам шар был прозрачным, а внутри него в свете лучей уходящего ко сну солнышка спрятались все оттенки красного, желтого, розового, синего и бордового цветов. Они ласкали прятавшуюся на дне шара ракушку, в которой таился небольшой шарик, похожий на глобус в кабинете географии. Сверху над ракушкой резвились две рыбки. Краешком глаза я видел, что на дальних полках есть еще много похожих шариков, но почему-то именно от этого не мог оторвать взгляд. Через несколько минут, не удержавшись, я потянулся к своему шарiku, но неаккуратно задел костыль пирата, и тот повалился со своего сундучка с сокровищами вниз, на полку к остальным сувенирам. Вместе с ним с грохотом повалился и мой шарик. Тут случилось что-то странное. Сначала я подумал, что снова все испортил и разбил шарик, потому что он весь замерцал какими-то маленькими осколоч-

ками. Но все остальное внутри шарика осталось неизменным, и даже водичка не вытекла. Я пригляделся внимательно и увидел, что это вовсе не осколки, а какие-то необычно блестящие снежинки, которые мелькали даже ярче, чем переливы заходящего солнышка. Они кружились в шарике, словно зимняя метель во дворе, а две озорные рыбки внутри, перевернувшись на спину, будто пытались ловить их своими смешными, вытянутыми, едва приоткрытыми ртами-носами. Я взял шарик обеими руками, и метель в нем закружилась с новой силой.

Мне стало очень смешно! Вы можете себе представить, чтобы в летнем шарике полном солнца пошел снег, настоящая метель, и она замечает рыбок, которые пытаются, лежа на спине, поймать её носом? Чудесно! Вот бы и мне попробовать с ними эту чудесную метель.

Тут из-под прилавка вылез дядечка. Это был продавец. Он посмотрел на меня из-под пушистых бровей, хищно поблескивая глазами, как дикий зверь в засаде. В центре его головы совсем не было волос, лысина и лоб блестели, как лампочка. Его волосы когда-то давно решили прокатиться вниз с макушки, как с ледяной горки. Они начали по очереди съезжать прямо на брови, а обратно залезть так и не смогли, слишком скользкая у него голова. Волосы решили остаться там, куда доехали, и даже разрослись потомством, став седыми родителями в окружении молодой черненькой поросли.

Сначала дяденька просто смотрел на меня так пристально,

как будто готовился к прыжку. Я же смотрел то на него, то на шарик. Тихонечко его потряхивал, и по нему снова и снова разлеталась метель. Я улыбался. Дядечка подогнул руки в локтях и облокотился на прилавок, перегибаясь в мою сторону. Я снова встряхнул шарик и улыбнулся. Теперь лицо дядечки вытянулось, и я увидел, что у него есть рот. До этого его невозможно было заметить из-за пышных, длинных усов. Они были еще кустистее его бровей и развивались на ветру, словно он носил челку не на голове, как все люди, а над губой.

– Ты-ы-ы? – удивленно протянул он, откуда-то узнав меня.

У меня очень плохая память, но я напряг все силы, чтобы тоже вспомнить его. Какая у него занятная, цветная рубашка..

Точно! Это тот дядечка с вокзала, который куда-то спешил, пугая свой пупок, потерял шлепанец, а потом не дослушал мою историю про окруженные вещи и полководца-мату. Это он!

– Я! – обрадовался я.

Мне так хотелось улыбаться. Я подзывал его выглянуть поближе и, перекачиваясь с носков на пятки, показывал на свои ноги. Ведь я стоял босиком, как он тогда – на вокзале. Только мои шлепанцы никуда не слетали, я их снял сам. Дядечка растерянно смотрел на меня и тоже улыбнулся в ответ, как бы на всякий случай, чтобы не обидеть, словно не понимал, можно ему улыбаться или нет! Как будто

он не знает, что улыбаться можно всегда, даже если этого не видно из-под усов. Странно вообще, как он меня вспомнил, я бы ни за что не узнал его первым.

Тут откуда ни возьмись, появилась моя бабушка. В обеих руках у нее висели полные пакеты всякой всячины. Она встала рядом, оглядела меня, мой шарик, потом полку с сувенирами и, наконец, дошла до продавца. Ее совсем не удивлял и не волновал его волосатый бардак на голове (мама бы, например, отругала его, и заставила все убирать и раскладывать по своим местам. С мамой трудно спорить). Её глаза добродушно загорелись, и она поздоровалась:

– Здравствуйте! – мягко расстелила она. Знаете, есть такие «Здравствуйте» или «Привет», после которых не нужно добавлять «я Вас узнал» – это становится понятно само собой.

– Дообрий веечер! – так же понятно ответил дядечка-продавец, растягивая и иногда заменяя одну гласную другой.

– Значит, успели и даже тапочек сумели сберечь? – подковырнула бабушка, просияв своей маленькой ямочкой у самого подбородка на левой щеке.

– Успеел! Сберееег! – слегка смутившись, ответил он, – Но на всякий случай купил сиибе новые – на застежке! – поддержал бабушкину шутку дядечка. И тут же в подтверждении своих слов высунул из-под прилавка ногу, на которой красовался новенький блестящий темно-коричневый сандалий, с застежкой на пяточке, одетый поверх подтяну-

того, черного носка.

– Митюша что-то натворил? – поинтересовалась бабушка.

– Не то чтобы натварил, вроде даже добрае дело сделаал!

Бабушка вопросительно приподняла брови.

– Пирата побиидиил! Настоящий мушщина! – приукрашивал мою историю дядечка. – Даже сакровища не тронул, тольк вот перед шаариком не устоял!

Бабушка снова взглянула на меня, а затем на шарик. Испугавшись, что сейчас придется его вернуть, я неловко закрыл его, прижав к себе обеими руками и спрятал взгляд в сторону. Мне совсем не хотелось расставаться с такой замечательной вещицей. Тогда бабушка снова повернулась к дядечке-продавцу, выдохнула легкую усмешку и сказала:

– Ну что же! Раз наш Митенька такой смелый герой, то он заслужил оставить шарик у себя, не правда ли? Сколько я Вам за него должна?

– Саавершенно, ниисколько! – замотал усами дядечка – Этаа падаарок, Вы же сами сказаали, что он заслужиил!

– Нам, конечно, очень приятно, но все-таки мы непременно должны за него заплатить! Вы же сами сказали, что мой внук – настоящий мужчина! А настоящие мужчины получают награды, а не подарки за свои подвиги, верно? – настаивала бабушка и положила на прилавок несколько купюр.

– Вернаа.. – чуть не обидевшись, буркнул в усы дядечка и забрал денежку.

Однако, почти тут же радостно хмыкнув, снова загадочно

улыбнулся и зашуршал под прилавком, приговаривая что-то себе под нос. Потом вновь высунулся и, улыбаясь шире своих усов, подозвал меня поближе.

Сначала мне было страшно подходить к нему, вдруг он передумал и хочет забрать мой шарик обратно, но бабушка подмигнула мне и подтолкнула навстречу дяде. Он кивнул, указывая на свою волосатую пятерню, и вытянул ее. Он ожидал от меня в ответ такого же действия. Я отдал шарик бабушке и несмело протянул ему свою руку, раскрыв пальцы. Дяденька разжал кулак. Ко мне в ладонь выпало, что-то маленькое, холодное, металлическое. Это был значок с изображением военного корабля и надписью: Город герой Новороссийск.

– Смоленска-я ули-ица!.. – радостно повернувшись к бабушке, протянул я.

Мы попрощались с дядечкой и ушли. Теперь у меня на груди красовался героический значок настоящего мужчины.

Мы шли по закрывающей свои морщинистые глаза набережной, бабушка держала меня под руку, как настоящего мужчину, и я жутко собой гордился, поэтому, задрав подбородок, пытался маршировать, как солдат на параде, и завороченно нес прямо перед собой мой новый шарик. И в такт каждому шагу в нем подлетали россыпи загадочных на вкус снежинок, разливаясь серебряным цветом от света мачт фонарей покорно склонивших свои одноглазые головы.

– Рыбки! – повторял и любовался я.

– Это не рыбки! – сказала бабуля, – Это дельфины, Митюша! И они млекопитающие. Так же, как и люди. Хоть они и живут в воде, но дышат воздухом, как и мы. Еще они очень умные! – бабушка тянула свой рассказ, как неспешный поезд, везущий состав в сторону горизонта, – А еще они любят людей и часто спасают тонущих или тех на кого нападают хищные акулы!

– Акулы!

– В городе тоже можно посмотреть на дельфинов, они живут в дельфинариях под присмотром людей. Считается, что плавать с дельфинами очень полезно для настроения и здоровья. Мама с папой хотели сводить тебя в дельфинарий, чтобы ты с ними познакомился и покупался. Но я, мальчик мой, даже не знаю, правильно это или нет. Разве можно ждать чего-то хорошего от того, кого запер в несвободе?.. Разве можно выпросить у кого-то счастья или здоровья?..

– Свобода! – повторил я.

А бабушка продолжала:

– Человек боится быть свободным и не умеет быть счастливым. Оттого он и не здоров. Он все и всех пытается запереть. И запечатлеть. Желательно рядом с собой, чтобы похвастаться. Над нашими головами падают целые звездопады, а мы пытаемся их снять, чтобы все знали, что мы их видели. И потом ты смотришь на такую фотографию и интересуешься, как это было – целый звездопад на бесконечном полотне

изумляюще-синего неба, а в ответ слышишь, что это было очень трудно сфотографировать – ужасная камера и очень мало света. И все. Больше ничего.

Бабушка задумчиво вздохнула, мы остановились и посмотрели вверх, к небу. Оно было точно такое, как она и говорила: медово-желтые хлопья звезд плавали в черничном варенье, и на них улыбалась огромная, надкусанная луна.

– Какая красота! – восхищалась бабуля, – Как можно пытаться привязать к себе все на свете, когда такое небо? Как можно держаться за вещи, когда занятыми руками нельзя никому помочь?

Я знал, что бабушка не ждет от меня ответов на эти свои вопросы. Она ждет раздумий. И мне кажется, я ее понял. Мама не поехала с нами сюда, потому что «три путевки на юг – это первый взнос за новую машину».

Дальше мы шли молча. Когда много говоришь – ничего не слышишь и не понимаешь. А в номере, лежа в кровати, я продолжал разглядывать свой шарик и думать над тем, что сказала бабушка. Я вспомнил лавку дядечки со смешными бровями и куклу пирата, который сидел на сундуке с сокровищами, не отрывая от него своего покалеченного взгляда. Я был уверен, именно в битве за этот сундук он потерял глаз и обзавелся костылем. И как же легко он отдал мне свой чудо-шарик, в котором, кажется, спрятана вся красота мира.

Через месяц нам нужно было уезжать, и хоть мне здесь очень понравилось, и я подружился с морем, но все равно

очень скучал по родителям и ждал встречи.

Мы приехали на вокзал, и зашли в вагон. Бабушка присела на свое место и, тяжело дыша, замахала у лица белой панамкой. Я только сейчас заметил, что ее панамка и длинный до пола сарафан выглядели, как два больших белых пятна на фоне смуглого лица и рук, хотя по дороге туда все было наоборот. А оттого, что у нее были достаточно резкие морщины в уголках добрых глаз, можно было бы подумать, что она не возвращается домой, а едет в гости.

Поезд тихонечко переваливался с бока на бок и гудел о себе. Я стоял в коридоре на длинном-длинном во весь вагон, красном коврике с зеленой окантовочкой, и смотрел в окошко и вокруг себя. В нашем купе было очень жарко, а мама с первого дня запретила нам пользоваться кондиционерами, чтобы уберечь мой иммунитет. В проходе было не так жарко, почти все форточки в окошках были приоткрыты и на ходу высывали языки своих занавесок наружу, словно дразня кого-то. Недалеко от меня взрослые мальчик и девочка стояли и смотрели в окошко. Наверное, тоже спасались тут от жары, хотя они так крепко обнимались, что можно было подумать, что им наоборот нестерпимо холодно, и они пытаются друг друга согреть. Глядя на них я вспомнил маму и папу. Точнее вспомнил, что не помню их такими, не могу даже представить..

– Смотри, дельфины! – вдруг воскликнул взрослый мальчик и начал тыкать пальцем в окошко напротив себя, – Вон,

вон! Смотри! – указывал он девочке.

Я обернулся в ту сторону, куда он указывал пальцем, и начал искать дельфинов. Наш поезд скользил вдоль берега моря, разрешая с ним попрощаться. Вдали мелькали белые кудряшки волн, и среди них я тоже разглядел дельфинов. Они обнажали из-под воды красивые серые плавники своих полусогнутых спин и, пропадая, а иногда неожиданно выпрыгивая из-под воды на несколько метров, издавали смешные, скрипучие звуки. Брызги их прыжков разлетались во все стороны, казалось, они играют в самую забавную и интересную игру на свете, или тренируются ловить снежинки, когда придет время. Мне очень хотелось верить, что они приплыли проводить нас, и что мы еще успеем познакомиться с ними поближе, ведь в этот раз на меня не нападала акула, и я ни разу не тонул, так что у нас не было повода для знакомства.

На вокзале нас встретила прохладная, слегка угрюмая погода и примерно такая же мама. Когда я спросил у нее, где папа, она, на несколько мгновений переведя взгляд на бабушку, ответила:

– Не знаю.

Так, окунувшись в воспоминания, я все-таки заснул крепким сном без памяти и сюжета.

Вижу темноту и чувствую, как что-то шершавое и мокрое скребет меня по носу так, что хочется чихнуть.

– Аааапчххии!!!!

Ха-ха-хаа-х! Чихнул так, что Мурка повалилась с меня на пол и с испуганным «Мяяяуу!» прыснула под кровать, которая от моего чиха тоже пошла ходуном и со скрипом дернулась, подтолкнув тумбочку у изголовья.

– Шлеп!

На тумбочке опорной ножкой вверх лежит прямоугольная рамка фотографии. Фотографии бабушки. Ясные, озорные глаза, мягкая улыбка, огромная копна серо-каштановых волос, которую пытается трепать ветер, и любимый черный платочек с узорами кустиков роз. Эта фотография была сделана в день моего рождения – двадцать девятого февраля, прямо у родильного дома. На ней, прямо за бабушкой ясно видно краешек массивного входного навеса и серые, алюминиевые створки дверей. Сначала на фотоснимке было больше людей. Нас с мамой приехали навестить папа, бабушка, дедушка, и несколько маминых и папиных друзей. Папины родители не смогли приехать, потому что их не стало еще задолго до моего рождения. Меня и маму в тот день, конечно, никто не отпустил из роддома, а гости, выходя на улицу, остановились у входа поделиться впечатлениями о нашей семье, о маме и о моем рождении. Бабушка стояла чуть в стороне от всех, светила робкому февральскому солнышку. Она слегка покашляла, чтобы на неё обратили внимание, а потом сказала:

– Наш Митюша родился двадцать девятого февраля – это

почти невероятно! Все в нашем мире не просто так! Он будет особенным! – потом она чуть прищурившись, устремила взгляд своих бесконечных глаз куда-то к небу, улыбнулась и добавила: – НАШ ВИСОКОСНЫЙ МАЛЬЧИК!

В этот момент все гости натянуто заулыбались и засмеялись, и фотограф нажал на съемку. На фотографии все кроме бабушки получились расплывчато и некрасиво, поэтому из нее вырезали бабулю и оставили одну. Одну с той фразой на губах и солнечным взглядом. Позже я узнал эту историю и обязательно попросил фотографию себе, поместив ее у своей кровати в доме на Смоленской улице.

Рамка со снимком снова на месте, а мои ножки на холодном полу.

– Бааааа! Бааа-аа! Бабуля!! Бабушка Ксюшааа!

Нет ответа. Лишь только Мурка, оправившись от моего чиха, зашуршала лапами, вылезая из-под кровати.

Мне не встать, ноги не слушаются, и сильно кружится голова. Посижу еще чуть-чуть. Кашель дерет горло. Как бы скорее прийти в себя от сонного забвения и этой тяжести? Наверное, сейчас у меня ничего не получится, ведь я уже несколько дней хожу сильно простывшим, а вчера, кажется, совсем заболел.

За ночь жар совсем не спал, вся кожа у меня холодная и влажная, как у куриной тушки, которую полчаса назад достали в тепло из морозильника. А все внутри наоборот горит.

А вдруг это пылает мой внутренний дом?! К тому же, гор-

ло не только сильно першит и болит, по нему еще будто бы поднимается дым моего пожара. Нужно срочно что-то предпринимать. Самое лучшее – узнать, где бабушка и найти ее. Тогда пожар утихнет. Бабушка – самый лучший спасатель, она все-все умеет.

Головокружение понемногу стихает, так что самое время вставать.

На кровати после меня остались большучие мокрые пятна размером почти во всю простыню. Как же сильно я испарился за одну только ночь. В мокрой одежде так холодно, что все тело дрожит. Б-р-р-р! Чувствую себя древним стариком, который, постукивая челюстью, трудно передвигается по комнате и каждым своим шагом оставляет мокро-пузырчатые следы на крашенном кабачковым цветом полу.

Никогда бы не подумал, что раздеваться может быть так трудно. Приходится снимать несвежие носочки, медленно стягивать тяжеленный шерстяной свитер, потом прилипшую к телу футболку. Она не хочет с меня слезать, цепляясь и сворачиваясь в трубочку. Штанишки тоже словно приросли ко мне, они путаются в ногах, опрокидывая меня на пол. Видели бы Вы, сколько пара моих усилий разлетается во-круг. Оказывается, иногда самые обычные, самые простые занятия могут стать непереносимо тяжелыми.

Я стою совсем голый посреди своей комнаты, постукивая зубами от холода, обнимаю себя обеими руками, чтобы согреться, но это не помогает.

Нужна новая одежда, но у меня ее нет, остается только бабушкина комната. Сперва лучше постучаться, вдруг именно сейчас и именно за этой дверью меня ждет чудо.

– Тук-тук-тук! Бабуля! Ба...! Тук-тук!

Тишина. Чудеса любят свободу и никогда не происходят, когда мы их ждем.

В комнате все чисто и опрятно. Впрочем, как и всегда. Бабушка, в отличие от меня умеет соблюдать чистоту. Окна завешаны полупрозрачным тюлем. Бабушка не боится темноты и любит свет, она считает, что для света есть место всегда, везде и во всем. У окна почти во всю ширину маленькой комнатки стоит кровать, она застелена цветным узорчатым покрывалом без единой складочки. Справа от меня, на своем месте стоит громоздкий комод с четырьмя огромными ящиками друг на друге и телевизором сверху. А прямо напротив толстый шкаф на маленьких ножках, похожий на тушу неуклюжей свинки, только темно-коричневую и лакированную. На средней из трех разделяющих шкаф на равные части дверок висит бабушкин любимый черный платок с розами. Эта дверца полностью зеркальная, но из-за платка в отражении можно разглядеть себя не выше, чем до груди. У меня очень бледная кожа, и лишь только под ногтями на распухших от влаги пальцах ног виднеются розовые румяности, и еще следы синяков закатной расцветки на бедре и ребрах.

Вы не думайте, я не какой-нибудь там вор и никогда не старался рыться в чужих вещах, но мне просто необходи-

мо найти себе хоть какую-то одежду.

Удача! Наконец-то! Как я и думал! В комодѣ нашлись вязаные носочки и жутко смешные штанишки с лямками для ступней и оттянутыми коленками. Штанишки немного коротки, но ничего, натяну носочки как можно выше. За другими дверцами среди прочего, висят старая клетчатая рубашка и растянутый свитер вязаный толстой, грубой, бежевой ниткой. Тут же рядом дряхлая и такая же полулысая, как наша Мурка, шапка с длинными ушами. Раньше это были дедушкины вещи. Бабушка сохранила их для папы, чтобы ему было что одеть, когда он приезжает к ней. Теперь их буду носить я.

Новая одежда еще холоднее моей старой. Хорошо, хоть не мокрая – значит она обязательно должна на мне прогреться. А пока приходится терпеть мерзкий озноб.

За третьей дверцей стоит целая гора сложенных стопками книг. Когда бабушка собирается читать со мной перед сном, она говорит: «Пойду, загляну, что у нас интересного лежит в уголке воображения!». И через минуту возвращается с интересной книжицей. Мы перечитали с ней множество книг больших и маленьких, старых и тех, что младше меня, про животных и людей, про приключения и путешествия, про Землю и космос, про все-все. Бабушка говорит, что в книгах можно найти что угодно. Даже самого себя.

Стоит ли попробовать пересмотреть их все сейчас? А вдруг мне удастся найти ту, в которой пишут, как находить бабушек.

Загвоздка в том, что в этом шкафу никак не меньше ста книжиц, и хотя раньше их было во много-много раз больше, по-моему – это все равно очень большое количество, тем более, для одного дня, тем более, что я не очень быстро читаю.

В глазах все кружится и вертится от озноба, поэтому, пока есть силы, лучше поискать бабушку без помощи книг, они ведь никуда не денутся, а бабушка уже делась. А вот бабушкин любимый платочек, пожалуй, заберу с собой. Если он тут, она не могла далеко уйти. Как и я свой чудо-шарик, бабушка всегда берет его с собой, особенно если уезжает далеко, а уж тем более, зимой.

– Айййй! Черт! Проклятая дверь!

За эти ругательства мне может крупно влететь. Хотя их никто не слышал. К сожалению. Ну что же я такой невнимательный и рассеянный, весь в папу. Шлепнулся лбом о дверной косяк и улетел назад, в голове стоит такой звон, словно там кто-то мыл посуду и неуклюже уронил, разбив все до единого приборы.

На двери висит календарик с плавающим окошком для даты. Окошко замерло двадцать первого декабря.

Сегодня точно не двадцать первое декабря. Вчера был четвертый после Нового Года день, как раз тот самый день, когда я решил ехать к бабушке, во что бы то ни стало. Сегодня пятое января, а никак не двадцать первое декабря. Буду собираться дальше.

В маленькой прихожей на вешалке сгорбился старый про-

тёртый ватник. Под ним россыпь неаккуратно валяющихся ботинок в пыли и грязи. Среди них есть и пара пригодной обуви. Правда вынужденный союз черной левой галоши с невысоким коричневым сапожком вряд ли можно в полной мере считать настоящей парой. Галоша мне слегка велика, а сапожек настолько же маловат.

Дверь на улицу тремя ступеньками ниже. Вчера вечером она так и не поддалась мне. Не поддается она и сейчас. Снова нужно лезть в окошко.

– А-й-ййй!

Я снова упал. Буквально вывалился наружу. Выскребая собой с подоконника остатки растрескавшейся краски, до крови разодрал ладоши и не смог удержаться. Подо мной скрипит снежок, а ноздри слипаются после каждого вдоха. Мороз окреп.

Красивое, густое от холода небо – совсем голое, без облаков, пытается обогреться бледным зимним солнышком и сильно дрожит, вызывая порывы ветра. Он сдувает с веток деревьев и крыши дома колкую снежную пыль, и та, слетая прямо на меня, обжигает кожу лица и рук.

Больной сон почти не предал мне сил, я очень хочу кушать. Нужно как-то отогнать эти мысли. Отдых и еда могут подождать, пока я не найду бабушку. Сейчас только поймаю еще несколько пылинок хрустящего снега и сразу встану. А то лежу тут, прямо как дельфинчики из моего чудо-шарика. Он у меня, кстати, с собой в кармане ватника вместе

с бабушкиным платком.

У нас на участке две калитки. Одна находится на дальнем конце участка и выходит прямо к речке, а вторая – парадная. С нее можно выйти напрямиком на Смоленскую улицу. Я выйду через парадную, ведь бабушка – не большой любитель зимней рыбалки и купания.

Мои вчерашние следы, вытоптанные в снегу по щиколотку, почти замел ночной снегопад, но пока еще они видны, так что можно идти по ним шаг в шаг.

Если не считать несколько дорожек легких Муркиных лап на свежем снежном насте, других следов, помимо моих на участке нет.

Совершенно пустая дорога в одну сторону тянется к самому горизонту бело-коричневой, качающейся ленточкой, пока хватает глаз, а в другую, немного на отдалении прячется за поворот. На сваливающейся обочине ни души. Дома и деревья накрылись шапкой снега и спят. Мне не у кого узнать, где бабушка.

Я гулял по поселку бесконечное количество раз, знаю почти все дома на нашей улочке и даже некоторых хозяев. Ходил с родителями и бабулей в магазин и на пляж, сам показывал им короткие пути, бегал лазить по детской площадке у здания старой, полуразрушенной школы. Залезал на самую высокую конструкцию и сидел там «без рук». Улыбался сверху, воображая себя спасателем, космонавтом или ниндзя. Мама внизу переживала и ругалась, чтобы я перестал

баловаться, а папа гордился мной, не вслух, конечно, но это было легко видно в его глазах. И тогда мне хотелось забраться еще выше. А бабушка в такие моменты просто стояла, укутавшись в свой любимый платочек, и молчала. Мне кажется, она пыталась насладиться нами, а не руководить. Хотела запомнить эти моменты в своей голове, как фотоаппарат.

Когда родители уезжали в город, мы снова и снова повторяли с бабушкой наши любимые прогулки, наши любимые занятия и игры. Я всегда знал, где она и чем занята, а если она куда-то уходила, то совсем ненадолго, и делилась куда. Я был уверен в том, что знаю, что она любит.

Улицы, дворы, машины, площадки и пляжи улыбались мне, а я им. Все было так привычно и понятно, что я даже не замечал этого. Я знал, куда мы идем, а ответом на все «Зачем?» было – «получать удовольствие», «наслаждаться». Выходя за калитку, я просто бежал в любую сторону и знал, что куда бы я не побежал, там со мной будут все мои, и мне не надо будет никого искать. Только если мы не решили играть в «Прятки».

А сейчас я стою на той же самой улочке совсем один и не знаю куда идти. Знаю зачем, но не знаю куда. И поэтому даже самый короткий путь известный мне откуда угодно, до куда угодно превращается в бесконечное путешествие. Самые знакомые дома закрыли глаза своих окон и не замечают меня. Они замаскировались под снегом и кажутся чужими и страшными. Самые любимые места при встрече обе-

щают пустоту и разочарование.

Все вокруг, как и прежде, и я – прежний Митюша. Но мы будто бы больше не знакомы и не рады видеть друг друга. Вчера вечером, ложась спать, мне казалось, я проснусь с утра, выбегу на улицу и поспешу на лесную опушку. Там у нас есть небольшая тайная полянка с качелями и скамеечкой. И там меня обязательно сразу найдет бабушка, а я ее. Как и всегда. Я скажу ей, что нельзя больной стоять на морозе, и мы пойдем домой пить молоко с мёдом. Но сегодня пустая продрогшая улица кусачими порывами ветра шепчет мне, что наша полянка пуста. Потому что это моя любимая полянка, а не её. И что молоко с медом тоже нравится только мне, а не бабушке.

Мне хочется сжаться в комочек и кричать. Но от сильной простуды, из моего рта вырывается только хриплый вой со слюнями, тут же сметаемые ветром в сторону. Наша улица и наш поселок сейчас чужие и пустые. И все оттого, что они не мои. Только теперь я понял это.

Я знаю свою деревню и свои любимые места и занятия, а не бабушкины. Я не имею понятия, что она любит кушать, когда ест в одиночестве, где она гуляет и во что играет, когда я не приезжаю к ней на выходные или каникулы. Не знаю, с какими книжками она ложиться ко сну, и какой напиток остывает в ее чашке, когда сон незаметно слетает с книжных страниц и похищает ее в страну грёз.

В моём маленьком мире мне ее не найти, там только она

может меня отыскать. Но сейчас она потерялась, а не наоборот, и теперь я стою в её мире и не знаю куда идти!..

«Я не знаю куда идти!»

Холод этой мысли напоминает мне папу.

– ...я не знаю куда идти мне идти! Я не знаю куда идти..!

Я не знаю, я не знаю, я не знаю!...

– Папа.... Папа.... Папа..

Он сидел в заляпанной жирными, никогда не высыхающими пятнами футболке, с простиранными до разрыва ткани швами на шее и рукавах, его когда-то сильные ноги-корни сейчас высели одна на другой худые, как два увядших стебля, осунувшееся тело тяжело дышало в крепком тревожном сне, опираясь налитой оловом головой на кисть левой руки. С периодичностью в несколько минут из его рта начинали вылетать нечленораздельные звуки и слюни. Он разговаривал во сне. Между указательным и средним пальцем правой руки он зажимал давно потухший огарок сигареты, стлевший почти до середины фильтра. Сигарета выгорела целиком, он так ни разу и не поднес ее к губам. Серые обрубки упавшего пепла кучно лежали прямо у его ног, на прожжённом до угольной черноты паркете.

Таким я увидел его тогда. Таким я увидел своего папу тем весенним вечером, когда мы с бабушкой зашли проведать его дома. Таким я увидел его первый раз.

С того дня, как мама приехала встречать нас на вокзал одна, без него, папа больше не жил с нами в нашей общей квартире. Он больше не приходил туда «домой», теперь он приходил «в гости». Так говорила и просила говорить нас обоих мама. Поэтому виделись мы очень редко. Мама пускала его только раз в неделю. И только ко мне.

Сначала он приходил точно раз в семь дней. Приходил, и я очень радовался, узнавал его привычную одежду, походку и улыбку. Хотя часто он терял её, неловко пытаюсь это скрыть. Еще от него постоянно пахло, как от бабушкиных компрессов, которыми она натирает меня от гриппа и простуды.

Мы играли и разговаривали обо всем. Каждый раз он смотрел на дверь маминой комнаты или ту, которая ведет на кухню или на лестницу, в зависимости от того, где была мама – дома или нет. Мне казалось, он, как бабушка, хочет научиться смотреть сквозь, в самую суть и увидеть её. А потом он тихонечко спрашивал меня, чем она занята, а если мамы не было дома, то где она и когда вернется. И каждый раз он интересовался, как у неё дела. Когда я отвечал ему, казалось, никто и никогда на свете не старался так внимательно следить за моим ответом, словно пытаюсь схватить каждый звук, каждую фразочку о ней. Как я пытаюсь схватить ртом самую вкусную снежинку и, уже почти поймав ее, замечаю другую, которая кажется вкуснее той – предыдущей. Ему было не так важно, что я говорю о ней. Я это точно знал.

В самые темные моменты наиболее сокровенное внутри светится ярче всего, и этого не скрыть. Ему нужна была информация не о том, в каком платье она ушла, но новость о том, что она есть и все также носит свои платья.

Он очень много думал о ней и слишком мало знал. От этого голова очень устает, поэтому необходимо хоть иногда открывать уши и освобождать свои мысли, пуская вместо них что-то новое, что-то настоящее. А еще, когда о чем-то только думаешь, но не видишь, не слышишь и не чувствуешь, начинает казаться, что это все не по-настоящему, что это все вымысел. А ему так нужно было знать, что мама – она на самом деле, и он ее не придумал.

Время шло, и папа стал приходить все реже. Иногда раз в две недели, а иногда пропадал совсем чуть не на месяц. Я считал каждый день. А когда он все-таки появлялся, то порой я не мог его сразу узнать. Его одежда дышала усталостью, часто он приходил в незнакомой мне, но и не новой, а значит чьей-то чужой рубашке или джинсах. Его прическа и щетина топорщились во все стороны, а взгляд то безразлично терялся в стене или окне, то виновато дрожал. И только запах бабушкиных компрессов сопровождал его неизменно.

Значит, папа болеет и не хочет нас заразить, думал я. Но все равно очень сильно скучал.

Как можно так часто, много и долго болеть? Неужели его иммунитет еще слабее, чем у меня? Может это без нас или,

наоборот, из-за нас? Или еще от чего-то..

Я постоянно думал об этом и спрашивал маму обо всем, а она злилась и все меньше отвечала мне, иногда будто бы и вовсе не замечая, как и папу.

А потом он пропал совсем. По крайней мере, для меня. Прошло несколько месяцев, и я стал нестерпимо тосковать, так что мог уже тоже заболеть без него. И тогда бабушка по секрету от мамы пошла со мной к папе в гости. А это было строго настрого запрещено.

Я шел за бабушкой и, вроде, очень радовался, потому что сейчас мы встретимся. А с другой стороны, чуть не плакал. Никогда бы и представить себе не мог, что буду ходить к папе в гости. И ни он, ни я это так никогда бы не назвали.

Мимо мелькали улицы и фонари, а у меня заплетались ноги.

И вот бабушка, тихонько скрипнув ключом, впустила нас к нему домой. У неё есть ключи от всех дверей, если Вы меня понимаете.

Просторная, с высоким потолком квартира встретила нас темным коридором и свернувшимся ковриком для ног. Свет с лестницы доставал не дальше, чем до середины прихожей. Вдоль стен на скрипучих петлях тяжело висели старые облезшие двери.

Бабушка в пол голоса велела мне проходить и не толпиться, а я растерялся и не знал куда ступить. Потом стало совсем темно, но через секунду щелкнул выключатель, и над

нами загорелась одинокая лампочка на грязно-белом проводе. Она осветила коридор полностью, что можно было увидеть, какой он длинный и как много в нем дверей.

Бабушка объяснила, что это коммунальная квартира, каких очень много в центре нашего города. Раньше такие квартиры полностью принадлежали одной семье, но потом кто-то захотел справедливости и отнял их у прежних хозяев, а потом разделил так, чтобы на одну комнату приходилась одна семья. Так же было и в этой квартире, здесь в разных комнатах ютились несколько семей, и только их сапожки жили вместе в одном коридоре. Папина комната была в самом дальнем правом углу. Раньше она принадлежала папиным родителям, а когда их не стало, перешла к нему. И пока мы жили все вместе в нашей квартире, то папа сдавал комнату, а ему за это платили денежки. Теперь мне было ясно, почему он так часто мог не работать, а пробовать стать героем. А когда мама запретила ему с нами жить, он больше не мог получать за эту комнату денежки, а значит, и на геройство времени у него больше не было.

Мы толкнули незапертую дверь. В огромной комнате был жуткий беспорядок. По полу валялись скомканная одежда и носочки, бутылки, этикетки и упаковки от еды, крошки, очистки и еще много всякой всячины. Грязный нелакированный паркет как мог стыдливо прикрывал скромный коврик, лежащий прямо у большого прожжённого в нескольких местах, не застеленного дивана в углу даль-

ней стороны комнаты. Старый заваливающийся вперед носом шкаф, видимо, очень боялся упасть, поэтому вытянул перед собой все свои раненые без ручек дверцы и даже выдвинул несколько ящиков, из которых свисали конечности разноцветной одежды. Чуть дальше дрожал то ли от голода, то ли от страха пузатый холодильник. А прямо напротив тарасились два огромных окна, освещая комнату яркостью еще не растаявшего апрельского снега.

Мне показалось в тот момент – окна жалели, что завешаны лишь полупрозрачным тюлем без занавесок, и оттого не в силах спрятать в темноте весь этот развал. И папу.

Он сидел на стуле, в уголке слева от окон в одних трусах и старой растянутой футболке за небольшим, заставленным грязной посудой и бутылками столом. Он спал и не слышал, как мы вошли.

Знала ли бабушка, что мы застанем папу таким? Не знаю. Но мне стало очень не по себе, и она это заметила.

– Не расстраивайся и не бойся, Митюша! Мы здесь чтобы помогать, а не плакать и переживать. Мы очень нужны нашему папе! – взяв мою руку, сказала она.

Я выдохнул себя, как воздушный шарик, а затем снова впустил полные легкие и посмотрел ей прямо в глаза, выражая готовность помогать.

Тогда бабушка улыбнулась мне, и, наказав оставаться, где стою, осторожно подошла к папе. Несколько секунд ласково и сочувственно глядя на него, она поправляла сальные пря-

ди на его голове, что никак не могло изменить общей ситуации с его прической. Потом уже обеими руками аккуратно взявшись за его отекавшие, небритые щеки, она позвала папу по имени:

– Саша... Александр, просыпайся! Саша, у тебя гости! Мы приехали! – её голос лился, как журчание ручья под коркой еще не до конца растаявшего снега.

Бабушка смотрела сквозь папины закрытые веки, куда-то глубоко внутрь и терпеливо ждала ответа. Я знаю, как это. Сколько раз так она спасала меня от кошмарных снов – подарков темноты. Когда все самые страшные монстры неожиданно нападают и душат во сне. Я кричу и вздрагиваю, но не могу проснуться, не могу стряхнуть их с себя, даже если уже открыл глаза. Слезы сами вытекают из глаз, и, кажется, я вот-вот растаю. А потом на мои щеки ложится тепло, я вижу тысячи созвездий её взгляда, слышу тихий ручей голоса, ощущаю в себе дыхание полной умиротворения вселенной, и мои монстры уходят, унося с собой свои истории. Страхи опадают листьями осеннего клена на ветру, и я выхожу обратно из себя.

Так и папа, еще несколько раз надрывно прохрапев что-то неразборчивое, зашевелил носом и свободной рукой. Бабушка платком утерла слюни с его губ и подбородка. Она выпрямилась и отошла от него на несколько шажочков, судя по всему, чтобы оставить его просыпаться в одиночку в своем натюрморте (сам он очень напоминал мне жухлый каба-

чок), и оценить себя в центре своей картины.

Папа открыл глаза, и, не сразу придя в себя, и заметив наше присутствие, громко и неприлично выругался. Затем увидел перед собой бабушку, и его бледное кабачковое тело вздрогнуло, а щеки пошли ярко-красным румянцем. Бабушка ничего не сказала о его ругани, но он все равно по-собачьи потупил взгляд и начал извиняться:

– Ой!.. П-п-простите, мама! – замямлил папа. Он всегда называл бабушку не по имени или имени отчеству, как это обычно делают взрослые, а просто – мама, и при этом всегда говорил – Вы. Хотя бабушка и не была его мамой. Ведь если бы это было так, то моя мама была бы его родной сестрой, а не женой. Бывшей женой.

– Как Вы здесь оказались и зачем? – очень осторожно поинтересовался папа.

И тут, несмотря на то, что я был на расстоянии целой огромной комнатки, до меня ярко донесся запах тех самых бабушкиных компрессов, которые она ставит мне, если я сильно заболею, чтобы не дать в обиду мой слабый иммунитет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.